

ГЕОПОЛИТИКА КАК ОПАСНАЯ ПАТОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

А.В. Оболонский

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Аннотация: *Статья носит научно-аналитический характер и не предполагает непосредственной связи с вопросами текущей политики. Подчеркивается принципиальное различие между политикой в подлинном, аристотелевском значении, и конъюнктурным политиканством. В общетеоретическом плане рассматриваются исторические, моральные и социологические аспекты геополитической парадигмы, ее имманентная ущербность и многосторонние негативные последствия. Анализируются историческое происхождение и эволюция лежащего в ее основе политического мировоззрения, а также самого понятия геополитики, начиная от древнего Китая, и ее европейская версия – макиавеллизм. Описаны имманентные патологии геополитического сознания, связанные с мифологемами национальной исключительности, якобы уникальности «особого пути» различных стран и др. В ряде европейских государств, включая Россию, они были отягощены постимперским политическим синдромом. В философско-историческом плане рассмотрена проблема соотношения кинизма и цинизма, в том числе политического. Специальные разделы статьи посвящены ключевым «перекресткам» в истории России, а также состоянию массового политического сознания в постсоветский период, отягощенного ценностными деформациями, комплексами социальной неполноценности и боязни перемен, глубокой социально-психологической травмой, характерной для периодов транзита, и внешне компенсирующими ее механизмами вульгарного псевдопатриотизма. Вместе с тем автор решительно не согласен и полемизирует с распространенными фатально пессимистическими оценками отечественного политического сознания и культуры и выводами о якобы неготовности нашего общества к демократии. Названия разделов статьи: геополитика: идеология, крах, возрождение; моральный аспект геополитической парадигмы: история и современность; последствия «особой роли» государства в России; гражданское недоверие к власти и десакрализация государства как позитивные факторы; патриотизм как моральная категория; политический романтизм и идеализм как позитивные факторы; цинизм и кинизм; почему геополитика нашла отклик в массовом сознании; перекрестки российской истории; «особый путь» – реальность или химера?*

Ключевые слова: *геополитика, Россия, патологии политического сознания, исторические перекрестки, «особый путь», психологическая травма, моральные ценности, демократия.*

*Государство расположилось в России
как оккупационная армия.
А.И. Герцен*

*Патриот всегда должен быть готов защитить
свою страну от своего правительства.
Эд. Эбби*

*Шагают бараны в ряд. Бьют барабаны.
Кожу для них дают – тоже бараны.
Б. Брехт*

Геополитика: идеология, крах, возрождение

В статье, в дополненном и переработанном виде, использованы несколько важных публикаций автора предыдущего десятилетия. В силу большой актуальности содержащихся в них идей и проблем, автор счел необходимым вновь обратиться к данной проблематике и рассмотреть ее в максимально полной совокупности факторов, аспектов, социальных последствий. Вместе с тем, во избежание кривотолков, считаю также нужным с самого начала подчеркнуть, что последующие рассуждения носят научно-аналитический характер и не предполагают их непосредственной связи с какими-либо конкретными вопросами текущей политики. Тем более, что геополитическая логика, да и сама парадигма геополитики, еще не так давно казались если не совсем уж архаикой, то все же не слишком актуальными, по крайней мере в общем цивилизационном плане. К сожалению, клубок событий последних лет показал, что мы ошибались. Ошибались трагически. Геополитика возродилась в слегка подновленном, но не менее опасном и кровавом обличье. Одно из проявлений ее реинкарнации – возвращение на мировую политическую авансцену геополитического поведения с соответствующими ему логикой и фразеологией. Возрождение этого фантома уже принесло много несчастий и смертей. Поэтому концепт геополитики сегодня требует самого пристального внимания и переосмысления, поскольку за стремлением его реинкарнации стоят реальные угрозы общемирового характера

Ведь геополитика (иногда ее камуфлируют в терминологии мировой политики) – это идеология и обслуживающая ее научная дисциплина, в основе которой лежит *социал-дарвинистский* взгляд на мир исключительно как на арену «внутривидовой» борьбы государств, борьбы, в которой меняются задачи, методы, промежуточные цели, но не сама суть: народы – враги, мир – ринг, государства – бойцы на нем, а конфликт – основа основ существования и взаимоотношений. Все союзы, альянсы, блоки – лишь тактические уловки, не меняющие имманентной враждебной общей сути. Взгляд на соседей «через оружейный прицел» как законченная идеологема стал влиятельным во многих европейских странах на рубеже XIX–XX веков, но в предельных формах, как основа государственной политики, воплотился в нацистской Германии и отчасти в СССР. Да и многие другие государства оказались не свободны от данной логики. Человечество заплатило за отравление себя этим геополитическим интеллектуальным ядом жертвами двух мировых и множества «малых» войн, а также неизбежно сопутствовавших им войн с «внутренними врагами», принеся людям неисчислимые беды и страдания. Словом, геополитика – это насквозь пропитанный кровью *вид ложного сознания*. Разумеется, он должен изучаться и анализироваться, и очень тщательно, но как история тяжелой болезни человечества, либо как своего рода политическая криминология. Иное, т. е. взгляд на мир как на шахматную доску как на некую норму, как модель анализа шахматной партии, где целые народы – лишь фигуры на доске, а люди в лучшем случае пешки, а то – и просто пылинки, не просто антигуманитарен, а глубоко аморален в своей основе

и, независимо от намерений и планов его выразителей, способен привести человечество лишь к новым безднам горя, унижений, гибели.

Логика этого рода, как говорится, стара как мир. Но первым идеологом геополитики как концепции принято считать немецкого ученого 19 века Фридриха Ратцеля, рассматривавшего государство как развивающийся биологический организм, которому по мере роста необходимо все большее «жизненное пространство» (Lebensraum). Сам же термин ввел швед Юхан Челлен, главная книга которого «Великие державы» вышла в 1916 г., в самый разгар Мировой войны. Идеи эти, основанные на смеси географии, биологии, мальтузианской демографии, были тогда весьма популярны. Правда, более близкие к нам времена породили и новые термины, и возникновение более частных областей: геоэкономику, геокультуру, информационную геополитику... Но принципиально конфронтационная суть геополитики от этого не изменилась.

Казалось бы, страшные уроки двадцатого столетия должны были начисто отвратить людей от подобных представлений, а саму геополитическую логику отправить на свалку истории. Подход к международной политике как к «игре с нулевой суммой», в которой выигрыш одного равен проигрышу другого, идеологически полностью дискредитирован. Но это, увы, не уничтожило его практическую живучесть. Дипломатия и ее научная прислуга разных стран зачастую видят мир и рассуждают о его проблемах в «шахматной» логике времен холодной войны, двух мировых «горячих» войн, унесших жизни как минимум шестидесяти миллионов человек и искалечивших жизни целых поколений.

Слишком уж удобна вся эта политическая алхимия для тех, кто благодаря ей вдруг может ощутить себя вершителями судеб мира (или, по крайней мере, судеб миллионов), да еще и получать с этого разного рода дивиденды. Выгодно это и обслуживающего их персоналу. А его немалое число – и в более низких коридорах власти, и в среде прикормленных экспертов, и в подконтрольных СМИ, которые, «вооружившись» в буквальном смысле этого слова, новейшими технологиями, используют их для дезинформирования, для формирования так называемой «пост-правды», а то – и для «манкуртизации» людей. Задача этих «ученых приказчиков» и идеологических «портных» – облечь античеловечные цели в пристойные квазиидеологические одежды, подкрасить их политологическим макияжем, а то – и подсказать какие-нибудь циничные «политтехнологические» приемы оболванивая людей ложной информацией и псевдоисторическими мифами, поддержания разных националистических фобий, нагнетания милитаризма, пропаганды ненависти. К несчастью, довольно эффективной. Режиссеры и исполнители этого рода кампаний тем самым вычеркивают себя из научной и журналистской профессий. Ибо любая из «высоких» (определение Макса Вебера) профессий, предполагает не только владение практическими профессиональными навыками и умениями, а включает и *моральный, ценностный* компонент. Т. е., попросту говоря, совесть и чувство социальной ответственности за свои слова и дела. Что у этих людей либо начисто отсутствует, либо прикрывается механизмами психологической защиты – замещением, подменой, вытеснением. Впрочем, копание в глубинах сознания данного рода людей – занятие отдельное и автора не слишком привлекающее.

Возрождаются и даже «обосновываются» неоимперские химеры. Вторую жизнь получают в лучшем случае полунаучные, а зачастую и просто мифологические, поэтизированные представления о некой «исторической родине» этносов и якобы вытекающих отсюда их преимущественных правах на их «исконные» земли. Затем происходит квазиюримизация этнического. Старинные границы государств, которые либо давно канули в Лету, либо полностью трансформировались, или, напротив, отсутствие четких границ, да и вообще отсутствие в прошлом, порой недалеко, некоторых современных государств, становятся предметом эмоциональных спекуляций, заклинаний, призывов к «восстановлению исторической справедливости». Потом эти фантомы начинают обрастать плотью. Некие новые «справедливые» границы рисуются на картах, фигурируют в политических декларациях и речах. В итоге они

интериоризируются в массовом сознании как некая мечта о некогда трагически утраченном и потому ныне требующем возврата. Это становится потенциальным горючим материалом, ждущим политической «искры». И порой, рано или поздно, но такая искра возникает. Так было, например, в начале 90-х в Югославии, в конце 90-х в Косово, время от времени вспыхивает на африканском континенте, причем в чрезвычайно жестоких формах с неисчислимым числом жертв, в других регионах нашей многострадальной планеты. Последние годы добавили Украину, Арцах (Карабах), а теперь произошла и трагическая эскалация конфликта в Израиле.

На самом деле политизация фактора историко-географического расселения того или иного этноса – не важно, в далеком ли, недавнем прошлом или ныне – не просто абсурдна, но и крайне опасна. А попытки ее практического воплощения в жизнь, установления «справедливых» границ чаще всего приводят к массовым человеческим трагедиям. Уверен, читатель сам может привести множество примеров. Да и само совпадение политических государственных границ с этническими – довольно редкое исключение. Чисто моноэтнических государств в мире почти не существует. Чтоб немного разбавить трагизм вопроса, приведу и в чем-то забавный пример – компактное немецкое (и германоязычное) население района, охватывающего южную Бельгию и север крошечного государства Люксембург. Мне довелось наблюдать митинг таких немцев на главной площади Брюсселя. Он производил впечатление шоу с довольно мутными лозунгами. Насколько мне удалось выяснить, они проходят там регулярно, но никому и в голову не приходит делать из этого практические политические выводы. В современном мире преобладает совместное, смешанное проживание разных этносов на одной территории и даже в одном городе. Что, как известно, порождает ряд проблем, иногда довольно серьезных. Порой и кровавых. Но попытки, а порой и стремление, решить их перекройкой государственных границ тяжелей и опасней самих этих проблем.

В современной России жажда перекройки границ соединилась с ностальгией по утраченной «великой стране» и, к несчастью, нашла благодатную почву. Простая мысль, что внешняя политика должна лишь обслуживать главную – внутреннюю, поскольку именно последняя напрямую связана с интересами граждан страны, а не отражать некие химеры, рожденные в мозгу рассуждающих у крупномасштабных карт и глобусов политиканов и их присных, как-то пока не очень доходит до широких слоев массового сознания. И это вопреки тому, что отнюдь не сами политики и не их идеологическая «челядь», а обычные люди расплачиваются своими жизнями и лишениями за политические амбиции и мании grandiose придворных геополитиков. Вся эта логика густо пропитана кровью миллионов людей многих стран мира. Но «мертвый хватает живого».

Моральный аспект геополитической парадигмы: история и современность

Проблему соотношения политики и морали можно было бы отнести к числу «вечнозеленых», если бы временами она не приобретала уж очень кровавый цвет. В европейской традиции теоретическое обоснование имманентности политического имморализма принято связывать с именем Н. Макиавелли, что справедливо лишь отчасти, ибо, излагая рецепты циничного манипулирования инструментами власти в «Государе», он, как следует из других его работ, таких, как «История Флоренции», «Размышления о первой декаде Тита Ливия» и др., сам, однако, идейно с ними не солидаризировался. А гораздо более развернутое, детализированное и страшное в своей циничной откровенности «руководство» по политическому манипулированию содержит написанная почти за два тысячелетия до него на противоположном конце Евразии «Книга правителя области Шан» китайского легиста Шан Яна [Древнекитайская философия 1973: 210-233; Переломов 1981: 164 и др.]. Но в Европе о ней практически не знали, так как ее первый перевод на европейский язык был сделан только лишь

в XX веке. И поэтому в евроазиатской политической практике именно макиавеллизм стал именем нарицательным. Именно он задавал тон в политике, увя, слишком часто и самым зловещим по последствиям, образом. Не имея возможности в рамках статьи особо углубляться в историю и теорию вопроса, ограничусь несколькими, но необходимыми ремарками.

Вплоть до второй половины XX в. идеология макиавеллизма была господствующей нормой политического поведения и практики. Однако трагический опыт тоталитаризма и двух мировых войн все-таки кое-чему научил человечество. Основанная на нем политика в значительной мере исчерпала свой идеологический потенциал и «оправдание». Политика становилась все более публичной, а народ постепенно осознал свое право и обязанность непосредственно в ней участвовать. Да, впрочем, едва ли не в каждой исторической эпохе можно найти подтверждения существования «анти-макиавеллистского», морального взгляда на политику. Еще Аристотель видел в политике продолжение развертывание этической парадигмы, своего рода этику *in concrete*, и в то же время рассматривал саму этику как высшую политическую науку. А Августин в четвертом веке писал в труде «О граде Божиим»: «При отсутствии справедливости (вариант – "правосудия", то есть другого перевода слова *justicia*. – А.О.), что такое государства, как не большие разбойничьи шайки, так как сами разбойничьи шайки, что такое как не государства в миниатюре?» [Графский 2005: 185]. С XV в., с начала эпохи гуманизма, «моральная философия» стала не только фактором общественной рефлексии, но и элементом системы образования в рамках так называемых «наук о человеческом» (*studia humanitatis*). Но начало подлинного возрождения антимаккиавеллизма в политической сфере можно условно датировать рубежом 60-70-х гг. XX в.

Первым толчком послужила прокатившаяся тогда по Европе и Америке так называемая «студенческая революция». Потом она аукнулась уотергейтским скандалом, фактическим изгнанием с политической авансцены функционально успешного, но лишённого моральных самоограничений президента США Р. Никсона, движением, получившим название «разгребание грязи» в политике, выдвижением прав человека на авансцену международной политики в качестве одного из приоритетов и еще многим другим. А, главное, моральные ценности стали играть все более заметную роль в оценке обществом происходящего на политических подмостках.

И политический класс в разных странах, хотя, возможно, без особого удовольствия, но вынужден был отреагировать на это изменение в самосознании общества. Этические начала государственной жизни постепенно становились объектом достаточно жесткого социального контроля и регламентации, в том числе, и на законодательном уровне. Было признано, что жизнеспособность и легитимность политической системы страны во многом зависят от того, насколько государственные институты и высшие должностные лица отвечают господствующим в обществе ценностям и идеалам, а их поведение соответствует нормам общественной морали. Разумеется, процесс этот не был, да и не мог быть простым. Происходили и происходят весьма драматические откаты назад, в традиционную логику и парадигму политического цинизма. Последние годы мы, к несчастью, наблюдаем один из них. Но все же в целом политика стала предметом морали, ее хотя бы иногда начали рассматривать в категориях моральных императивов и ценностей.

В России в силу трагических особенностей ее истории (не говоря уж о вошедших в моду политиканских спекуляциях на специфике нашей «уникальной ментальности») процесс морализации политики и начался с запозданием, да и вообще малозаметен. Гораздо заметнее политический имморализм. Часто он практически и не маскируется, открыто провозглашая старый лозунг о якобы несовместимости политики и морали. Можно даже утверждать, что в 2000-е гг. у нас произошел *ренессанс макиавеллизма*, пусть во внешне замаскированных популистской риторикой и жестах, но по сути – в достаточно циничных и крайних формах. У нашего государства появилось все больше черт военно-бюрократической системы управления, что всегда происходит за счет ущемления интересов и прав людей. По существу, мы

столкнулись с попыткой вновь захлопнуть еще недавно довольно широко распахнувшуюся дверь открытого общества. Произошло то, против чего предостерегал К. Поппер, который считал глубочайшей и еще далеко не завершенной революцией в истории переход от общества закрытого, где индивид растворен в коллективности, но при этом взамен получает иллюзию защищенности, к обществу открытому, где он свободен и должен сам принимать личные решения. Такой переход неизбежно сопряжен со страхом свободы, с желанием и попытками вновь захлопнуть уже отворенную дверь. И, как показывает история, процесс действительно можно задержать. Но это приносит лишь новые беды, ибо возвращение в мнимый «утраченный рай» тоталитаризма, даже временное, несет неприемлемые и долговременные негативные последствия. «Чем старательнее мы пытаемся вернуться к героическому веку племенного духа, тем вернее мы в действительности придем к инквизиции, секретной полиции и романтизированному гангстеризму... нам следует найти опору в ясном понимании того простого выбора, перед которым мы стоим. Мы можем вернуться в животное состояние. Однако если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь – путь в открытое общество» [Поппер 1992: 248].

Но все же мы, вопреки всем трагедиям и бедам нашей «печальной и многотерпеливой», по выражению А. Герцена, истории, вопреки тяжелым экономическим, социально-психологическим и иным обстоятельствам, наконец, вопреки ламентациям о нашей якобы неизбежно рабской ментальности, все же смогли сделать несколько важных шагов на пути вперед. У нас есть основания, глядя в совсем недалекое прошлое, с определенной гордостью вспоминать и идею приоритета общечеловеческих ценностей (она хоть и родилась в недрах горбачевского ЦК в основном как красивый риторический прием, но затем на какое-то время стала фактором практической политики), полную внутреннего драматизма, глубоко нравственную жизнь и судьбу А. Сахарова, и некоторые поступки «раннего» Б. Ельцина, а главное, то охватившее миллионы людей в конце 1980-х – начале 1990-х гг. чувство нравственного освобождения от пресса тоталитарного государства, когда общество действительно поднялось с колен. Именно *тот период представляется мне самым достойным и нравственно высоким в нашей истории XX в.* Почему процесс обратился вспять, почему он оказался столь кратковременным, на мой взгляд, – самый тяжелый и болезненный вопрос двух последних десятилетий. Но к теме России мы еще вернемся, а сейчас обратимся к анализу той ставшей почти официальной идеологии, которая как бы легитимирует это попятное движение. Представляется, что в основе его в явном или неявном виде лежит именно геополитическая парадигма.

Одна из связанных с этим болезней – едва ли не мистическое одушевление государства, а также явно целенаправленное нагнетание имперской и мессианской идеологии с сопутствующими рассуждениями об «особом пути» России. При этом цинично эксплуатируются естественные патриотические чувства людей, шулерски подменяемые идеями «государственного величия», «естественных» внешнеполитических интересов и целей, особого «русского мира» и т. п., а также фантомные боли так называемого «постимперского синдрома». (Мы, впрочем, в этом не уникальны, подобное пережили и Великобритания после распада Британской империи, и Австрия после краха империи Габсбургов. Но у нас он вдобавок отягощен еще и синдромом посттоталитаризма.)

Представляется, что эта *аморальная в своей основе логика* во многих отношениях находится в явном противоречии с главными векторами мирового развития и потребностями современных людей, с ролью и назначением государства в их жизни. Пожалуй, это наиболее явно обнаруживается применительно к проблематике демократии. На мой взгляд, *мораль и демократия довольно тесно взаимосвязаны*, во всяком случае, в странах с реальными демократическими традициями и институтами. Так называемые «простые люди», наученные горьким опытом двух мировых войн, когда ими манипулировали, больше не согласны удовлетворяться ролями периодических, а зачастую и фиктивных участников политического

процесса. И *движение в сторону морализации политики* находится в том же ряду. Да и обществу в целом без реальной, а не «управляемой», то есть имитационной, демократии трудно, а быть может, и невозможно справиться с вызовами XXI в. Деятельность всех ветвей власти должна быть прозрачна и подконтрольна. Вообще, стремление к *публичности политики* – одна из главных движущих сил современной демократии. Лишь демократия (да и то не в полной мере) может обеспечить хотя бы относительную моральность политики, на ее хотя бы частичное соответствие критериям добра и зла, честности, совести, справедливости, долга. Как писал протестантский богослов Р. Нибур в своей книге «Дети света и тьмы», «человеческая способность к справедливости делает демократию возможной, но человеческая склонность к несправедливости делает демократию необходимой» [Крук 2004: 50].

Правда, история знает некоторые примеры попыток проведения моральной политики автократическими методами (Кай Юлий Цезарь, Людвиг Баварский, Александр I, список можно продолжить), как правило, исходившие от благонамеренных, то есть на самом деле желавших народу добра, монархов. Таким образом, все оказывалось в зависимости от личных качеств автократа. Однако чаще всего такие попытки в итоге оказывались малоуспешными, а порой и заканчивались трагически. Ведь, как известно, «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно». Поэтому над любым, даже самым прекрасодушным правителем необходим эффективный общественный контроль. К тому же при автократической форме правления отсутствуют какие-либо гарантии, что власть от «хорошего» автократа перейдет к тоже «хорошему» наследнику.

Похоже, во времена, когда ломаются любые, пусть даже изжившие себя ценностные системы, определенная нравственная аномия неизбежна. Послевоенный скачок преступности в проигравших войну Германии и Италии – тому подтверждение. Да и мы ведь тоже, победив внешний фашизм, проиграли в XX в. свою «войну» за создание в собственной стране условий для достойного существования Человека. И кстати, весомая доля преступлений и аморальных действий в пресловутые «лихие 90-е» была совершена не «простыми» людьми, а политическими «мутантами», «оборотнями», людьми, благополучными и успешными при любом политическом режиме. Они легче других скинули в нужный момент советские одежды, мгновенно перекусавшись в «людей нового времени». А затем они, использовав пусть несовершенную, но реальную свободу 1990-х как время «Клондайка» для личного обогащения и преуспевания, наловив немало «рыбки» в тогдашней «мутной воде», небезуспешно выплеснули вместе с ней и главные достижения тех лет – свободу и демократию.

Так что те, кто в наше время по-прежнему отрицают органическую связь политики и морали, идут против ветра истории. Именно *наличие либо отсутствие нравственной, моральной компоненты маркирует границу между политикой в подлинном смысле и ее дегенеративной формой – политиканством, политическим интриганством*. Правда, как известно из парусного мореплавания, если искусно лавировать, то против ветра какое-то время двигаться вполне возможно. И многое в нашем историческом движении постсоветских времен напоминает именно такое маневрирование. Под лозунгом «поднимания с колен» произошло возрождение авторитаризма и политического аморализма.

Приоритет «системных интересов» над интересами гражданина ни в коей мере не может быть сбалансирован никаким экономическим либерализмом, который, впрочем, как мы видим, тоже не может быть устойчивым в условиях нынешней якобы «государственнической» модели. Этим, кстати, лишний раз доказывается ущербность тезиса о якобы господствующем значении экономики по отношению к моральным и другим культурным факторам. Как ни маскировать наблюдаемый *ренессанс макиавеллизма* популистскими жеманствами и риторикой, это всегда происходит за счет ущемления интересов и прав людей. Одним из наиболее одиозных примеров этого представляется спекулятивное использование неспособности государства, прежде всего в лице его правоохранительных органов, уберечь граждан от эксцессов терроризма и разгула насилия, вплоть до угрозы этнических погромов,

практическим лишением их под флагом «укрепления единства власти» существенной части конституционных прав и свобод.

Последствия «особой роли» государства в России

В последние годы у нас стало модным по любому поводу, и даже без оного величать себя «государственниками». Один из подтекстов этой фигуры речи – противопоставление себя неким якобы «антигосударственникам». Этот ярлык часто навешивается именно на либералов, которые вдобавок получили еще и клички «пятая колонна», «нацпредатели» и т. п. Между тем «государственничество» – отнюдь не антитеза либерализму. Кто, как не государство, должен стоять на страже базовых экономических, гражданских, интеллектуальных, духовных прав и свобод человека? Ведь если простые люди не имеют практической возможности реализовать свои ценности и идеалы, то самые красивые либеральные рассуждения превращаются в фарисейство кучки «сильных». Это особенно важно в условиях нашего «недоразвитого» гражданского общества, где слабо развита культура добровольных ассоциаций граждан по отдельным групповым интересам и в котором простые люди не имеют возможности сами себя защитить даже посредством апелляции к закону и призванным обеспечивать его соблюдение структурам. А ведь эффективность механизмов правовой и иной защиты граждан, в том числе, от эксцессов и злоупотреблений со стороны «государевых слуг» – *condicio sine qua non* либерализма.

Действительно, «государственничество» имеет в России корни очень глубокие, особенно, в практике самого государства. По сравнению с западным миром, государства в России было и до сих пор остается значительно «больше», чем общества, и его воздействие на общественную жизнь существенно более активно и многосторонне. Оно действительно играло роль более универсальную, нежели в большинстве европейских стран, не говоря уж о США, выступая как активная, во многом первичная по отношению к обществу сила.

Оставим в стороне исторические причины подобного положения и обратимся к их последствиям. Они неоднозначны. Порой это даже способствовало прогрессу. Не уходя в данном случае в полемику относительно неоднозначного влияния российских монархов XVIII века на характер модернизации страны, ограничимся в качестве примера несомненно позитивной ролью просвещенной и либерально ориентированной частью российской государственной бюрократии во второй половине XIX века в качестве проводника прогрессивных перемен (что, правда, не мешало российскому чиновничеству служить традиционным «козлом отпущения» при всех властителях и режимах, но это – тема особая).

Но, с другой стороны, ситуация «сильное государство – слабое общество» блокировала возможности для полноценного развития независимых от государства общественных сил – неотъемлемого элемента подлинной социальной модернизации. К тому же наше государство, доминируя над обществом в целом, отдельную личность уж и подавно игнорировало. Не будет большим преувеличением сказать, что российский подданный имел по отношению к государству только обязанности, государство же по отношению к нему – только права. Не случайно проникательный французский путешественник де Кюстин, гуляя по Невскому проспекту Санкт-Петербурга в середине дня, заметил: «По проспекту сновали толпы чиновников, и в походе каждого была видна воля пославшего его» [де Кюстин 1966: 130].

В результате люди, не желавшие мириться с участью конформных слуг государства, как бы выдавливались из «нормальной» жизни: на Север, в скиты, в степь, в казаки, позднее в эмиграцию, в «нигилисты» ... Так или иначе, наиболее активный людской потенциал столетиями как бы самоотчуждался от государства. В психологическом плане это породило подозрительно-недоверчивое, а то – и прямо негативное отношение ко все же исходившим время от времени от государства позитивным инициативам. При этом парадоксально, что именно в тех случаях, когда они обещали людям выгоды, как минимум, пассивное отторже-

ние их бывало особенно сильным. Многократный негативный опыт общения с государством создал прочный стереотип: *«старое зло привычней и потому надежней нового добра, а новому добру как-то и не верится»*, ибо из начальственных затей все равно ничего хорошего для людей не будет. Эта фраза – лишь минимально отредактированная оценка Ключевским печальной судьбы екатерининского призыва власти к общественному содействию в первые годы ее царствования. Один из классических примеров – общественная реакция на екатерининскую Комиссию Уложения.

Советский период нашей истории стал драматическим апофеозом приоритета государства над личностью. Массовые репрессии, в моменты их пиков достигавшие апокалиптических масштабов, но не прекращавшиеся даже в относительно умеренные времена, закрепили стереотип всемогущего государства и безвластного человека «винтика», расходного материала для достижения неких надличностных национальных и прочих «высоких» целей.

К сожалению, и тенденция доминирования государства над человеком, и причины, ее порождающие, сохранились и в постсоветские годы, хотя и во внешне модернизированных формах. А в последнее время демонстративное неуважение власти к людям стало модой, стилем поведения. Словом, все по арии князя Галицкого из оперы «Князь Игорь»: «Пожил бы я всласть, ведь на то и власть».

Преращение консервативного «государственничества» в ведущий официальный идеологический тренд привело к тому, что базовая либеральная ценность – свобода – была в значительной мере девальвирована и дискредитирована в общественном сознании. Возникла реакционно-утопическая ностальгия по «порядку». А на гребне ее поднялась и затопила всё пена политической реакции.

Так что наши нынешние крайние «государственники», увы, опираются на мощную культурно-историческую традицию. Однако, поскольку мы сейчас все же живем во времена переосмысления традиций, то необходимо заново проанализировать характер, значение и последствия этого исторического обстоятельства. И думается, серьезные резоны имеет точка зрения, что одной из фундаментальных причин российских бед как раз и было то, что у нас всегда было слишком большое, склонное к разносторонней экспансии по отношению к своим подданным, государство и слишком слабое и пассивное общество. И чем лучше становилось государству, чем мощней оно себя проявляло, тем хуже становилось жившим в нем людям. Поэтому государство воспринималось как враждебная человеку сила, и на самом деле почти всегда таким у нас и было. Наш гениальный историк Ключевский описал эту ситуацию в четырех словах: «Государство пухло, а народ хирел [Ключевский 1958: 12]. А одним их механизмов, камуфлировавших такое положение вещей, было «оказенивание», фактическое присвоение государством категории патриотизма.

Однако, при всем катастрофизме нынешней ситуации, она не кажется фатальной. Ни мы, ни другие страны, в том числе и те из них, в которых, как и у нас, существует бремя мощных традиций авторитаризма и даже тоталитаризма, не обречены, подобно белке, вечно продолжать бег по все тому же порочному колесу, воспроизводящему все ту же антиличностную систему отношений власти и человека. И Россия в этом плане тоже имеет серьезные основания предъявить стране и миру нечто позитивное. Ведь у нас, наряду с господствовавшей культурой подданнической, даже в самые тяжелые времена не угасала противоположная ей альтернативная контркультура. И при всем безмерном уважении к великому Владимиру Набокову я не могу принять его убийственную оценку России как «страны моральных уродов, улыбающихся рабов и тупоголовых громил», страны, где «перестали замечать пошлость», ибо «развилась своя, особая разновидность пошляка, сочетающего деспотизм с поддельной культурой» [Набоков 1996]. Нет, Россия не была нацией рабов. Скорей уж можно говорить о нации, поработанной властью. Ведь в нашей истории, за исключением небольших периодов, практически не существовало ограничений власти по отношению к подданным. Идеи законности как взаимного ограничения прав и свобод также не существовало.

Практически любой несанкционированный активизм, как минимум, воспринимался властью как нечто подозрительное. Не говоря уж об активности протестной, которую власть давила безжалостно и максимально широко. В ответ «московский народ выработал особую форму политического протеста: люди, которые не могли ужиться с существующим порядком, не восставали против него, а выходили из него, «брели розно», бежали из государства». Подобный тип негативной реакции на действия власти Ключевский трактует в духе некоего синдрома «слуги» или «постояльца», согласно которому тот может лишь уйти от неудобного хозяина или домовладельца, но не более того. «Когда подданные, связанные с правительством идеей государственного блага, становятся недовольны правящей властью, видя, что она не охраняет этого блага, они восстают против нее. Когда прислуга или постояльцы, связанные с домохозяином временными условными выгодами, видят, что они этих выгод не получают от хозяина, они уходят из его дома». [Ключевский 1958] И они уходили: крестьяне – в бега, на «вольные земли», в казаки, дворяне – в эмиграцию или в усадебное уединение. В советские времена – в так называемую внутреннюю эмиграцию. Тем самым *наиболее активный человеческий капитал, обладавший потенциалом для общественного развития, вымывался из нормальных социальных процессов.*

В систему же обслуживания и обеспечения интересов власти отбирались (и самоотбирались), в первую очередь, не самые талантливые и уж точно не самые принципиальные, а самые послушные, «верноподданные», т. е. готовые без особых раздумий и рефлексии выполнять любые указания начальства. Из этого часто делают выводы о якобы «органической неспособности» россиян к свободе и т. д., о своего рода национальной ущербности и даже «комплексе неполноценности». Я, однако, с этим не согласен и мог бы привести немало примеров ориентированного на ценности свободы поведения сограждан. Но не углубляясь в эту боковую сейчас для нас тему, ограничусь изложением близкой мне позиции Г.П. Аксенова, считающего, что россияне отнюдь не были обделены чувством свободы, а беда страны состояла в том, что этот «инстинкт» реализовывался не внутри государственного организма, а во вне – в вольную колонизацию окружающих пространств; государство же постоянно «догоняло» своих ушедших от его гнета подданных на новых землях и вновь их порабощал. Россию, по его мнению, «подвела география». Было, куда убегать. «Эту особенность русской национальной жизни можно было бы назвать экстенсивной политикой... инстинкт свободы так и остался инстинктом, не перешел в сознание и действие. Это жизнь вовне, но не внутри государственного организма. У последнего была, образно говоря, постоянная незакрытая дыра в боку, куда уходили вся преобразовательная энергия и потенциал свободы, которые свойственны людям всегда, от начала веков» [Аксенов 2000: 262–266]. Не все в этой конструкции я готов безоговорочно принять, но основной ее пафос кажется весьма продуктивным.

Теперь перейдем к рассмотрению одного из факторов произошедшего и развивающегося в мире изменения отношения к государству как таковому. Оно, как видно даже из заголовка к следующему разделу, в каком-то смысле парадоксально.

Гражданское недоверие к власти и десаκραлизация государства как позитивные факторы

В политической науке обычно принято считать, что доверие к «властям предержажим» – факт безусловно позитивный. И соответственно, низкое доверие или вообще недоверие – вещь негативная. Это почти аксиома. Однако представляется, что реальность далека от подобной одномерной картины и, как минимум, неоднозначна. При взгляде на проблему под иным углом зрения видно, что при определенных условиях именно **НЕ**доверие становится движущей силой развития, тогда как доверие, особенно в патерналистской его ипостаси, консервирует неблагоприятное положение.

Например, именно *обоснованное недоверие* к честности выборов 2011–2012 гг., причем на всех этапах их подготовки и проведения, послужило толчком не только к спонтанным протестным акциям (что само по себе тоже очень важно), но и к формированию на основе чисто добровольной самоорганизации людей таких структур гражданского общества, как «Гражданин наблюдатель», «Голос», «Лига избирателей», призванных отслеживать фальсификации при голосовании. Это потребовало большой, порой на грани подвижничества, абсолютно бескорыстной и достаточно продолжительной работы множества волонтеров по борьбе с созданной и, как минимум, курировавшейся властями системой многочисленных и многоуровневых фальсификаций и иных грубых нарушений избирательных прав граждан и соответствующего законодательства. Так что именно обоснованное недоверие к тем или иным действиям властей, порождающее политический активизм, в том числе протестный, служит мотором развития гражданского общества, которое возникает и набирает силу не по указам «сверху», а в определенном противостоянии с государством.

Между тем, стандартная презумпция политологического анализа такова: доверие людей к политическим и управленческим институтам, а также к персонам, ассоциирующимся с ними в общественном сознании, – необходимое условие нормального функционирования современного общества. В общем виде это действительно так. Однако не следует упускать из вида, что само доверие, во всяком случае, в обществах современного типа – переменная не независимая, а зависимая, производная. Более того: *идеология конституционализма, разделения властей, необходимости сменяемости высших должностных лиц государства выросла именно на презумпции недоверия к неограниченной власти*, а в современных обществах породила феномен доверия ограниченного, условного, основанного на контроле и информированности. Да, общество доверяет неким лицам осуществление определенных политико-управленческих функций, но не в полной мере, не безусловно, а на определенных *ограничительных* условиях. И одним из таких условий, наряду с компетентностью, ответственностью и т. д., является *честность* этих лиц.

В современной России, как известно, и с доверием, и с честностью тех, кого принято называть «элитой», ситуация, мягко выражаясь, далека от благополучной. И даже факт устойчиво высокого уровня доверия к высшему лицу государства это не компенсирует. К тому же персональное доверие, как известно – вещь нестабильная. Вспомним хотя бы как за очень короткое время, буквально на глазах, рухнули изначально очень высокие коэффициенты доверия последнего советского и первого российского президентов. Поэтому проблема доверия (а, вернее сказать, его дефицита или даже отсутствия) к различным публично властным институтам приобрела у нас несколько специфический характер. На быденном уровне она, в частности, проявляется в восклицаниях типа «а кому доверять-то?», «а судьи кто?» или «эти уж наворовались, а новые придут – еще хуже будет» и прочими обывательскими стереотипами. Естественно, важной частью круга связанных с этим вопросов являются проблемы коррупции. Но оставим эту очень важную и болезненную тему за пределами статьи.

Вообще традиционная модель доверия к власти подвергается последние десятилетия серьезной ревизии даже в демократических странах. При этом важно, что вторая половина XX века стала эпохой десакрализации государства. Это – одно из важнейших «социальных изобретений» человечества последнего времени. Теперь государство в духе либеральной традиции стремятся поставить на служебное, подчиненное нуждам конкретных людей, место в общей системе социальных отношений. Социально-философский смысл этого процесса – *реинкарнация либеральных взглядов на место и роль государства*. Гегелевская парадигма государства интеллектуально мертва, хотя это и осознано далеко не всеми и нравится далеко не всем. Постепенно, не без неизбежных издержек и противоречий, но формируется новая модель отношений гражданина и государства, госструктур и институтов гражданского обще-

ства. Идет поиск под общим лозунгом «Новое государство для нового мира». И в этом контексте проблема доверия-недоверия также является одной из центральных.

Получившая популярность около трех десятилетий назад и во многом, (хотя в разной степени, а также не без неизбежных побочных негативных эффектов и даже частичных разочарований) внедренная в практику разных стран идеология «нового государственного управления» (New Public Management), позднее дополненная конструктами Good Governance и Participatory Government («участническое управление») – шаги в этом направлении. И в его основе во многом лежит именно определенная степень *недоверия* к возможностям традиционной бюрократической модели удовлетворительно отвечать на вызовы сегодняшнего и, тем более, завтрашнего дня, соответствовать меняющимся общественным потребностям.

В общественном сознании растет настороженная неприязнь к государству и бюрократическим институтам там, где ее не было. Уроки тоталитаризма даром не прошли. Престиж государства существенно понизился. Об этом свидетельствуют эмпирические данные по многим странам. В некоторых отношениях люди просто перестают доверять государству. Прежние, веками апробированные государственные механизмы становятся все менее адекватными. Поэтому происходит отторжение, «делегитимация» существующей системы отношений между государственной бюрократией и гражданским обществом, стремление к пересмотру классического «общественного договора» между ними. Проявления этого, с одной стороны, социальные и, что существенно, интеллектуальные протесты, с другой – происходящие в ответ на них очень серьезные перемены и в устройстве бюрократии, и в ее отношениях с обществом.

Приведем в этой связи некоторые фрагменты из «провокативного» доклада, сделанного еще в 2005 года и послужившего основой для дискуссий в международном интеллектуальном сообществе «Демос» во время мероприятия с характерным названием – «Форум о будущем систем правления». «Классовые либо партийные формы аффилиации отмирают, уважение к традиционным формам власти, исходит ли она от парламента или из лаборатории учебного, упало. С 70-х годов многие страны стали свидетелем фундаментальных изменений в масштабах, сфере и формах действий государства. Многие государства отошли от прямого вовлечения в процесс предоставления услуг и переориентировались на посредничество, координацию и регулирование услуг, предоставляемых другими – частным и добровольным секторами... Это – радикальная трансформация роли правительств... Каждый день мы читаем о новых скандалах и не вызывающих доверия действиях политиков и чиновников повсюду в мире. Евробарометр показывает, что более трех четвертей американцев и европейцев не доверяют политическим партиям... люди в обществах постмодерна более критичны и требовательны, а уважение к власти определенно снижается... внеэлитные формы политического участия все более распространяются. [Skidmore, Round 2005].

Процессы перемен в системах государственного управления инициируются как «сверху», так и «снизу» и идут в разных странах в существенно различающихся масштабах, – в амплитуде от умеренных и неохотных реформ в странах континентальной Европы, через весьма серьезные «антибюрократические» реформы, предпринятые правительствами англосаксонских стран и вплоть до событий «арабской весны» и акций типа «захвати Уолл-стрит». Они начались лет 30–40 назад, потом произошел некоторый спад, а сейчас идет и нарастает новый подъем. На мой взгляд, истинный размах и последствия процесса еще в полной мере не осознаны. И это опасно, особенно для России, поскольку и наши государственные институты, и значительная, а главное – задающая тон, часть работающих в них людей явно неспособны к адекватной, т. е. не консервативно охранительной, а позитивной, способствующей развитию, реакции на его проявления. И тут не обойтись без обращения к моральным мотивам, по которым люди совершают те или иные поступки.

Д. Юм в «Трактате о человеческой природе» писал, что поступками людей управляют три основных мотива: *интересы, привязанности и принципы*. В реальности и, тем более,

в субъективном мире человеческого сознания, они чаще всего переплетаются, и в конечном итоге срабатывает некая их комбинация. Однако при этом не существует их жесткой иерархии, в отличие от того, что полагают и говорят сторонники безусловного господства эгоизма как главного мотиватора. Да, эгоизм, личный интерес – мотив мощный, во многих случаях решающий. Во многих, но далеко не всегда. Порой – и не столь уже редко – он уступает место принципам или, иными словами, *совести* человека. Как пишет один из ведущих современных либеральных аналитиков Ч. Кукатас, «при анализе человеческого поведения совесть становится не менее важна, чем личные интересы, и отнюдь не из-за того, что люди всегда подчиняются диктату совести, забывая о личных интересах. Все дело только в том, что *время от времени* совесть оказывается сильнее личных интересов. Юм понимал это, когда отмечал поразительную непримиримость религиозных конфликтов» [Кукатас 2011: 94]. Да и ведущие современные мировые экономисты все больше акцентируют внимание на нематериальных, моральных и психологический аспектах развития.

В современной отечественной литературе наиболее глубокие, на мой взгляд, исследователи политической этики уделили особое внимание феномену *политической совести*: «Совесть не может мириться с грязной политической практикой, которая оправдывается софизмами от целесообразности, с отклонениями от норм политической морали, проявлениями цинизма и аморализма на "минном поле" политики. Вместе с тем совесть не может согласиться с догматом, по которому политика везде и всегда заведомо квалифицируется как "грязное дело", это на руку пройдохам и лишь отвращает порядочных людей от исполнения их гражданского долга» [Бакштановский, Согомонов 2004: 29].

А то, что мы крайне редко можем наблюдать приоритет принципов и политической совести над интересами в нашей государственной машине, на мой взгляд, следствие не какой-то якобы неизбывной «порочности» человеческой природы или «русской ментальности», а больше целенаправленной негативной селекции людей, туда попадающих, их «понижающего отбора». Наблюдающуюся в современном мире, различную по формам проявления и интенсивности, но единую по базовой сути тенденцию падения престижа государственных институтов и роста недоверия к представляющим их персонам некоторые даже называют «административной», «постбюрократической», «менеджеральной» революцией. На мой взгляд, это риторическое преувеличение. Однако глубину и характер уже произошедших и, тем более, возможных в недалеком будущем, перемен нельзя и недооценивать. Происходит весьма серьезный по масштабам и последствиям сдвиг в самих основах отношений между гражданами и государством. И толчком к нему далеко не в последнюю очередь послужило именно недоверие общества в лице его интеллектуально продвинутых сегментов к власти в ее традиционных формах.

Впрочем, это совсем не новое явление. Вспомним, что еще американская «Декларация независимости» 1776 года – ни что иное, как прекрасно сформулированное *обоснование права граждан на отказ в доверии* «дурно ведущей себя» *власти*. И эта, как они любят говорить, «великая американская традиция недоверия к правительству» послужила одной из основ реализации «американской мечты», воспроизводясь в цепи поколений, в том числе – и на уровне законов. Например, в 1939 году, Конгресс США принял так называемый Закон Хэтча, запрещающий государственным служащим в любом качестве участвовать в избирательных кампаниях, а также использовать служебное положение для действий в пользу какой-либо политической партии. В основе его лежат антитоталитарные по своей природе опасения, что политически ангажированные чиновники могут использовать свое служебное положение для создания сращенной с государством политической машины, а также стремление запретить использование публичного статуса в частных или групповых политических целях. В сущности, смысл этого закона – прямой запрет на использование почти тотально распространившегося у нас «административного ресурса», что трактуется таким образом как прямое преступление. (Кстати говоря, и в российском законодательстве – Уголовном кодексе

и Законе о государственной гражданской службе – есть похожие запреты. Но они, как мы все знаем, игнорируются – открыто и беззастенчиво.) Но не следует думать, что этот взгляд и подход – атрибуты американской «уникальности». Так, шотландский писатель Норман Дуглас еще в XIX веке писал: «Недоверие к власти должно быть первейшим гражданским долгом».

Государства, наиболее чувствительные в социально-политическом плане – прежде всего англосаксонские (но не только они) – сделали из этого достаточно серьезные, причем продиктованные прагматизмом, организационные выводы. Многие из связанных с этим механизмов я описал в различных публикациях, в частности, в изданной «Либеральной миссией» книге [Оболонский 2011], где рассказан опыт разных стран в попытках очищения аппарата государства от недостойных людей и создания фильтра с целью предотвратить проникновение их туда в будущем.

Люди в России в ходе перемен столкнулись с феноменом обманутого доверия. За этим стоит целый ряд факторов и конкретных обстоятельств. Сначала, в конце 80-х – начале 90-х, произошла неизбежная в подобные моменты истории «революция завышенных ожиданий». Ей, на мой взгляд, сопутствовали три рода негативных факторов. Во-первых, в начале были широко распространены представления, что, дескать, достаточно демонтировать обанкротившуюся во всех отношениях советскую систему, ввести в политику демократические процедуры, и «все будет хорошо». Однако пришедшая на смену достаточно суровая реальность погасила эту эйфорию. Вторым фактором стало произошедшее буквально в один момент гигантское имущественное расслоение общества, причем механизм мгновенного фантастического обогащения немногих на фоне падения и без того невысокого жизненного уровня большинства сограждан воспринимался как явно несправедливый (по сути, он таким и был, но сейчас не об этом речь),

Третий фактор – очевидная эрозия государственных институтов, особенно их неспособность сколько-нибудь эффективно защищать жизнь и собственность. Вместо ожидавшейся демократизации государства с повышением его заботливости о нуждах граждан произошло резкое падение его эффективности в целом ряде жизненно важных для «простых людей» областей и функций. Люди были готовы ради «светлого будущего» временно терпеть определенные лишения. Но не такого масштаба и не столь долго. А у правительства в приоритете были иные, прежде всего, макроэкономические заботы. Возможно, это было неизбежно, не будучи экономистом, не берусь судить. Но, так или иначе, планка общественных ожиданий была сбита. И поэтому героические и в целом успешные усилия правительства Ельцина-Гайдара по спасению страны от реальной экономической и политической катастрофы, позволившие отойти от края вполне реальной пропасти, на таком фоне не были оценены обществом по заслугам.

К тому же у рычагов управления постепенно оказывалось все больше людей, мягко выражаясь, сомнительных моральных качеств. В ситуации «клондайка», т. е. исторически беспрецедентного по своим масштабам перераспределения богатств и при крайне ослабленном правовом регулировании связанных с этим процессов, параллельно работал упомянутый выше «понижающий отбор», *негативная селекция кадров управленцев*. В последующие же годы и вообще произошло *криминальное перерождение государственных структур*, многими не без оснований называемым мафизацией государства

Гигантский рост самых разных и изощренных видов коррупции – лишь один из ее симптомов. Другой, не менее страшный по своим последствиям – разочарование в демократии. Впрочем, перечень как негативных факторов, так и отражающих их симптомов, можно продолжать достаточно долго. Это – отдельная исследовательская задача. Для нашего нынешнего сюжета существенен сам факт наступившего *социального разочарования* и, как следствие, утраты доверия к тому слою и к тем персонажам, что без доли самоиронии и просто здоровой самооценки поименовали себя властью и даже «элитой». 2000-е и последующие

годы – эра восторжествовавшего социального цинизма «верхов» и естественной ответной реакции – политического недоверия к ним «низов». И возможно, классическая марксова категория «отчуждение» даже не полностью отражает всю степень, всю глубину произошедшего в эти годы разрыва между людьми и государством.

Однако нет худа без добра. Постепенно стало формироваться то, что фон Хайек в книге «Дорога к рабству» назвал «здоровым либеральным презрением к власти». И позитивная роль недоверия к власти не сводится только лишь к лишению мандата доверия ее конкретных носителей. Это лишь полдела. Не менее важно и то, что недоверие имеет тенденцию распространяться и в целом на систему, вознесшую далеко не лучших людей и притом не позволяющую эффективно их контролировать, ограничивать их аппетиты и злоупотребления, смещать их. При этом парадоксальным образом конкретные персоны лишаются легитимности в меньшей мере, нежели выдвинувшие их институты. Иногда подобную ситуацию характеризуют как «индивидуалистический патернализм и «опасные химеры переходных обществ... сочетание крайних форм индивидуализма с не менее крайними патерналистскими ожиданиями от государства» [См., напр.: Урнов 2011: 15]. Одним из важных интеллектуальных последствий делигитимации авторитаризма как вида государственнической идеологии стало осознание опасности, исходящей от самой системы «персоналистской власти» (термин введен М.Красновым) [Краснов 2006], которую, на мой взгляд, неадекватно смешивают с патернализмом. Ибо далеко не всякий персонализм носит патерналистский характер. Кстати говоря, мне вообще кажется, что понятие патернализм у нас используется неоправданно широко и вольготно. Есть разные классификации государств, где патернализм – лишь один из типов власти. Не углубляясь, скажу лишь, что ключевым для патерналистского государства, по самому смыслу этого слова, является та или иная форма *заботливости* об интересах общества. Да, властитель ограничивает или подменяет общественный выбор и даже вполне может иметь о нем неадекватное, ложное представление. Что часто бывает. Но для данного нашего рассуждения важно то, что он не пренебрегает им и тем или иным образом думает и заботится об общественном благе. Заботливость, повторяю, сплошь и рядом бывает неадекватной (собственно, это одна из причин возникновения демократии как коллективного способа решения общественных проблем.) И сами патерналистские автократы бывают как просвещенными и благонамеренными, так и темными, плохо понимающими реальные общественные нужды. Но сама идея заботы о благополучии подданных как таковая имманентна намерениям и, как минимум, отчасти действиям патера. Если же этого нет, то это уже не патер, а само государство вряд ли стоит называть патерналистским, а просто абсолютистским.

Для примера возьмем 18 век – классику абсолютизма. Людовик XIV не был патером, ибо значимым обществом для него являлся лишь Версальский двор в широком смысле, с его интересами и интригами. А народ фигурировал лишь как обеспечивающий жизнь двора и политику ресурс. Это аукнулось стране спустя 70 лет. А вот Фридрих Второй в Пруссии или Франц-Иосиф в Австрии были патерами со своими представлениями об общественном благе. Повторяю, иногда эти представления неадекватны или даже уродливы. Но важно, что они, так или иначе, есть и играют определенную роль. Страшно сказать, но Адольф Шикльгрубер в некоем зловещем смысле тоже был патером по отношению к немецкому народу. И власть он получил на основе общественного выбора, и вплоть до середины 50-х почти половина немцев считала его великим лидером. А на первых порах, до цепи военных поражений со всеми их последствиями, так считало абсолютное большинство, включая, кстати, и население аннексированной Австрии. Патер должен обладать *харизмой*. Пусть даже отрицательной, как Гитлер.

Современные же авторитарные лидеры в большинстве своем – отнюдь не патеры. Ведь по критериям заботливости и харизматичности на эту роль не проходят ни филиппинец Маркос, ни большинство африканских лидеров. Может, какое-то другое слово больше подходит? Например, есть понятие *predatory state*, т. е. хищническое государство. Или, более разверну-

то, можно использовать описание Мансура Олсона, характеризующего власть как распределительную коалицию, группу с особыми интересами и непропорционально большим влиянием на дела общества.

Разрушение патерналистских, да и других традиционалистских установок в массовом сознании – процесс не быстрый, идущий неравномерно, с попятными движениями, а также распространяющийся не на всех субъектов патерналистской системы власти. Так, персону президента – главного ее современного воплощения в России – он пока лишил доверия в наименьшей степени. И дело не только лично в нем и в его добровольных и недобровольных сторонниках, в кавычках и без. Ведь даже многие из тех, кто не приемлет его лично, задают якобы не имеющий на сегодня ответа вопрос: «А кто вместо?» То есть, и многие противники лично Путина мыслят в рамках все тех же патерналистских, подданнических представлений. В этом смысле их рефлексия напоминает рассуждения механика Романа Звягина из рассказа В.Шукшина, который, слушая, как сын заучивает наизусть знаменитую «Русь-тройку» из гоголевских «Мертвых душ», перечитал ее сам и вдруг задался простым вопросом: «А кого Русь везет? Кто в тройке-то? Чичиков? Мошенник, шулер, прохиндей! И это ему все дорогу уступают?!» [Шукшин 1985: 219–225]. Звягин в каком-то смысле зрел в корень. А многие остаются в рамках извечной патриархальной парадигмы о добром царе и злых боярах. И поэтому к нашему «чичикову», восседающему в тройке этот вопрос пока обращен в наименьшей мере; а больше почему-то к его кучерам – «селифанам».

Итак, мы здесь сталкиваемся с определенным моральным парадоксом: гражданское недоверие к власти в определенном отношении выступает как позитивный фактор для политического развития. И, как видим, оно содержит немалый позитивный, конструктивный потенциал.

Разумеется, недоверие к носителям власти разных уровней совсем не эквивалентно неконструктивному, так называемому «голому отрицанию», а, чтоб быть полезным, должно содержать хотя бы элементы позитивной альтернативы. Сегодня его квинтэссенция – стремление к выработке новой, сетевой, преимущественно горизонтальной системы отношений в обществе. В этой системе государство, разумеется, сохраняется, но роль и место его становятся более ограниченными. Словом, идет поиск «нового государства для нового мира». Полагаю, в перспективе *доверие* по отношению к этому новому государству, лишь контуры которого мы сейчас можем скорее угадывать, чем наблюдать, *возродится. Но уже на принципиально иной основе.* И помогут нам в этом, как мне кажется и хочется верить, во-первых, *взаимопомощь*, которую Петр Кропоткин, в противоположность дарвинистской абсолютизации борьбы видов как единственного «мотора» развития, считал одним из главных факторов эволюции [Кропоткин 1911], и, во-вторых, доля здорового идеализма, который Сергей Ковалев в книге под символическим названием «Прагматика политического идеализма» охарактеризовал как отнюдь не беспочвенную прекраснуюдушную мечтательность, а как вещь вполне практическую [Ковалев 1999], позволяющую вырваться наконец из дурной бесконечности «дня сурка» – из тупиков геополитического и патерналистского ложного сознания. Да и сама жизнь Ковалева – яркий пример, пожалуй, даже, не столько идеализма, в котором все же присутствует элемент наивной неадекватности, а вполне осознанного альтруизма.

Патриотизм как моральная категория

Понятие патриотизма достаточно сложно и неоднозначно. Он бывает здоровым и болезненным, порой даже болезнетворным. Включает в себя и существенные моральные аспекты, мотивы и ограничения, что нас в связи с тематикой статьи в первую очередь и интересует. В частности, в отличие от его симулякров, от показных и имеющих мало реального содержания, а рассчитанных на одобрение и поощрение со стороны официоза, его демонстраций, настоящий патриотизм (собственно, единственно и заслуживающий этого названия)

это – реальная, а не выставленная напоказ любовь к своей стране. И она проявляется не в ленточках, не в размахивании флажками (причем предпочтительно – на виду у начальства), не в игнорировании, защите и обосновании пороков и дефектов окружающей жизни, а также ошибок и преступлений в истории страны, а в их остром болезненном восприятии, и стремлении их осмыслить и, по возможности, преодолеть, исправить.

Между тем нынешний официоз цинично и сознательно смешивает два вида патриотизма – «формально-казенный», «державный», идущий от «начальства», и по-человечески искренний, идущий изнутри человеческих душ, патриотизм *государства* и патриотизм *страны*, в которой живешь. Не говоря уж о том, что существует и патриотизм локальный, связанный с местностью или городом, и вообще не имеющий прямого отношения к ныне существующим государственным границам. Поэтому, учитывая многовековые традиции государственного деспотизма в нашей «печальной и многотерпеливой истории», реальные последствия так называемой «особой роли государства» в России, слишком часто проявлявшейся в подавлении стремлений общества к самоуправлению, к облегчению пресса со стороны государства, курс на избыточную централизацию власти, противоречащий закрепленному в Конституции федерализму, не может не вызывать самой серьезной тревоги за наше общее будущее. Поскольку это может стать хотя и безнадежной в историческом отношении, но способной причинить немалый ущерб и людям, и обществу в целом попыткой затормозить, а то – и заблокировать движение по пути к нормальному открытому обществу. Именно через эту призму надо оценивать ситуацию реанимируемого авторитаризма с одновременной активизацией подданнических (чтоб не сказать – холопских) стереотипов нашей политической культуры.

Патриотизм отнюдь не синоним верноподданности, низкопоклонства перед политической верхушкой. Известны, в частности, яркие суждения на сей счет Л.Н. Толстого относительно спекуляций на патриотических чувствах и стереотипах приближенной к престолу «великосветской черни» и клерикальных кругов. Так, в своей поздней статье «Христианство и патриотизм» он говорил о «гипнотизации» народа посредством разжигания патриотизма: «То, что называют патриотизмом в наше время, есть только, с одной стороны, известное на строение, постоянно производимое и поддерживаемое в народах школой, религией, подкупной прессой в нужном для правительства направлении, с другой – временное, производимое исключительными средствами правящими классами, возбуждение низших по нравственному и умственному даже уровню людей народа, которое выдается потом за постоянное выражение воли всего народа. Патриотизм... есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых – отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти» [Толстой 1958: 65].

И еще приведу цитату из почти забытого публициста второй половины XIX века Варфоломея Зайцева: «Есть два манера любить свой народ и свое отечество. Первый манер любить его так, как каждый из нас любит хорошее жаркое. Этот способ любви чрезвычайно психологически прост и понятен каждому идиоту, почему идиотами и признается единственно нормальным... Относясь беспристрастно к своей родине, мы видим в ней вместо сочного жаркого одну из самых обездоленных частей земного шара... Официальные патриоты заинтересованы в том, чтобы она такую и оставалась, так и в этом виде она представляет им вкусное блюдо, снабжая в изобилии севрюжиной, морошкой и рябчиками. Мы же заинтересованы в том, чтобы вывести родину из этого невзрачного положения. Беспристрастный человек может легко рассудить, чей патриотизм бескорыстнее и чьи стремления выгоднее для самой родины» [Зайцев 1966: 295–296]. Написано будто вчера и про нас, не правда ли?! Мне представляется, что первый «манер» патриотизма по Зайцеву скорее заслуживает имени *антипатриотизма* ибо он объективно направлен против полноценного развития страны в интересах подавляющего большинства ее граждан.

Но именно такой квазипатриотизм нагнетается сейчас по медийным и иным «усилителям», подменяя естественно присущие большинству людей теплые чувства к своей стране, к ее людям, к «малой родине», «патриотизмом» казенным, фетишизирующим власть и любящим ее действия, выдающим ее за главный стержень, на котором держится страна, и навязывающим ее демонстративную поддержку.

Пожалуй, наиболее глубокий и едкий из критиков российского казенного имперского самосознания – М.Е. Салтыков-Щедрин – ядовито заметил: «Начальство полагает, что наилучшее выражение патриотизма заключается в беспрекословном исполнении начальственных предписаний» [Салтыков-Щедрин 1906: 17].

Но даже и некоторые «внутриаппаратные» люди, служившие на государственной ниве в реакционные времена царствования Николая I, негативно относились к модным и тогда лишенным реального содержания якобы патриотическим выкрикам. Так, известный своими мемуарами либеральный государственный цензор А.В. Никитенко с негодованием писал: «Что это за люди эти педанты-патриоты, которые думают, что для того, чтобы прослыть народными, достаточно кричать, кричать, кричать во все горло: "давайте будем патриотами, давайте будем народными!" Они забывают, что прежде всего надо быть человеком, и притом честным. Патриотизм есть плод чести: а где у нас эта честь» [Никитенко 1955: 135]. А Александр Герцен уничижительно характеризовал этот феномен как «петербургский патриотизм, который похвально количеству штыков и опирается на пушки», а также как «патриотический сифилис».

«Тонкая красная линия» отделяет здоровый патриотизм от поначалу почти незаметного его перерождения в национализм. А дальше начинается лавинообразный процесс. Еще наш великий философ В.С. Соловьев заметил, что в России даже самый умеренный национализм превращается в «бешеный», неумолимость сползания по четырехступенной «лестнице» – национальное самосознание – национальное самодовольство – национальный эгоизм – националистическая ненависть. Позитивные элементы национальных чувств исчезают, уступая место шовинистической злобности по отношению к другим, особенно «назначенным на роль главных «злодеев» представителям той или иной нации. И это, увы, работает, как видно по множеству и давних, и совсем свежих примеров. Почему?

Думается, в основе многих проявлений национализма и шовинизма лежит психологически закамуфлированный, по большей части неосознаваемый, комплекс неполноценности. Базирующаяся на нем идеология проникнута духом поиска постороннего «козла отпущения», т. е. возложения ответственности за собственные беды и неудачи не на самих себя, а на неких злокозненных инородцев. Погромный потенциал такого рода «неопочвенничества» может обращаться и часто обращается на любые национальные меньшинства – и на этнических соседей, а порой даже выплескивается и на представителей «титულიной» нации. Примеров его, увы, немало и на территории бывшего СССР и в самой России. Проблема эта настолько сложна и болезненна, что ее никак нельзя обсуждать «походя», наряду с другими вопросами. Замечу лишь, что, казалось бы, комплекс национальной неполноценности уж никак не должен быть присущ такой нации как российская, у которой к тому же сейчас есть необъятное поле для деятельности по «обустройству» собственной жизни и страны без поиска каких-то внешних «злоумышленников» или внутренних «врагов». Тем не менее, на поверхность в такие моменты всплывает немало рассчитывающих подслужиться на более чем сомнительной конъюнктуре «активистов», которые, за неимением иных личных достоинств, упражняются, в рамках своего немудреного интеллекта, в развешивании нелепых политических кличек и доносах.

Приходится признать, что тесно сопряженный с национализмом «стихийный народный империализм» – эмпирический факт, от которого не уйти. Еще в 1923 году П.И. Новгородцев предвидел гигантскую сложность задачи нравственного возрождения нации после краха большевистского режима: «Русскому человеку в грядущие годы потребуются героические

подвижнические усилия для того, чтобы жить и действовать в разрушенной и откинутой на несколько веков назад стране. Ему придется жить не только среди величайших моральных опустошений своей родины, но и среди ужасного развала всех ее культурных, общественных и бытовых основ... Среди этого всеобщего разрушения лишь с великим трудом будут пробиваться всходы новой жизни... Сколько новых темных чувств не заглухнувшей стихии опять появится! Сколько натворит новых бед суровая страсть порядка и покоя! Сколько тяжелых этапов пройдет и могучая потребность хозяйственного восстановления с ее неукротимыми инстинктами приобретения и накопления» [Новгородцев 1991: 577].

За столетие, минувшее с тех пор, как были написаны эти строки, в России произошло очень многое, что лишь усугубило предвиденное им положение. Разве что процессы ускорились: века сжались до десятилетий, а те – до немногих лет. Но все же не стоит особо надеяться на мгновенное «русское чудо». Конечно, психологически социальное нетерпение, желание сделать все и сразу – «здесь и теперь» – очень понятно. Но мы уже до оскомины наелись сказок о «светлом будущем», якобы ожидающем нас за ближайшим поворотом. Что же делать, если сроки человеческой жизни не совпадают с историческими периодами? «Крот истории» роет медленно. А, как известно, «времена не выбирают».

В свое время Франклин Рузвельт сказал: «Одному поколению многое дано, с другого многое спросится, а некоторые поколения встречаются с будущим». Мы встретились со своим будущим. Так что в случае, если мы опять изберем старую псевдопатриотическую колею, жаловаться будет не на кого. Карл Поппер считал глубочайшей и еще далеко не завершенной революцией в истории переход от общества закрытого, где индивид растворен в коллективности, взамен получая иллюзию защищенности, к обществу открытому, где он свободен и должен сам принимать личные решения. Такой переход неизбежно сопряжен со страхом свободы, с желанием и попытками вновь захлопнуть уже отворенную дверь. И, как показывает история, процесс действительно можно задержать. Но вернуться в мнимый «утраченный рай» тоталитаризма невозможно. Еще раз повторю его замечательную констатацию: «Для вкусивших от древа познания рай потерян. Чем старательнее мы пытаемся вернуться к героическому веку племенного духа, тем вернее мы в действительности придем к инквизиции, секретной полиции и романтизированному гангстеризму... нам следует найти опору в ясном понимании того простого выбора, перед которым мы стоим. Мы можем вернуться в животное состояние. Однако если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь – путь в открытое общество. Мы должны продолжать двигаться в неизвестность, неопределенность и опасность, используя имеющийся у нас разум, чтобы планировать, насколько возможно, нашу безопасность и одновременно нашу свободу» [Поппер 1992]. Лишнюю каплю оптимизма здесь, мне кажется, добавляет ускорение исторических процессов. Но, разумеется, ничто не происходит автоматически. Немало, а на перекрестках истории – критически, решающе много, зависит от так называемого человеческого фактора, от позиции и поступков конкретных, живущих в данный момент людей, особенно тех из них, кто тем или иным образом функционирует в публичной сфере. Именно на них, на нас, лежит особая, повышенная социальная ответственность. Публичные роли – не только не лишняя привилегия, но и серьезное социальное обязательство, а порой нелегкое и не лишнее риска бремя. Но, как говорится, кому больше дано, с того больше и спросится.

С моей точки зрения, в современном мире подлинный патриотизм, в отличие от его симулякров (к тому же, чаще всего, отнюдь не бескорыстных) несовместим с патерналистским типом сознания. Более того, он неизбежно несет значительный критический заряд по отношению к реальности, намерение и способы ее изменить к лучшему, тогда как ложный патриотизм, в первую очередь, озабочен ее апологетикой. И здесь очень важен фактор повышенной моральной ответственности производителей социальных смыслов, особенно сейчас, в условиях «ренессанса» политического цинизма.

Подлинный патриотизм с цинизмом несовместим. Ибо тот аморален в самих своих основах, так сказать, по определению, и в принципе не может сосуществовать с такой моральной по своей сути категорией, как патриотизм. Разумеется, если речь не идет о псевдопатриотизме, который есть не что иное, как крикливая разновидность активистского конформизма – цель которого – «показаться» тем, кто делает на этом политику, быть ими замеченным и получить таким образом дополнительные бонусы и шансы для карьеры. К сожалению, в сегодняшней России открыты все окна для подобных псевдопатриотов, склонных к тому же демонстрировать свои якобы патриотические чувства максимально скандальными и агрессивными способами, доходящими до прямого вандализма и хулиганства выходками – разрушением неприятных начальству мемориалов, прямыми нападениями на участников протестных акций и т. д. А самое последнее время к этому добавилась и «мода» на доноительство, когда «патриотические» доносчики специально копаются в чужих текстах и даже постах в сетях, выискивая там элементы «крамолы», и сообщают об этом в прокуратуру и прочие госорганы с просьбой их «проверки на нарушение закона». И хуже всего, на мой взгляд, что государство напрямую поощряет эту аморальную практику, работая тем самым на падение общественной морали.

При желании псевдопатриотизм легко отличить от патриотизма подлинного, ибо последний независим от личной выгоды, от сиюминутной политической конъюнктуры, от желания «понравиться начальству», не занимается апологетикой дурного в отечественной истории и современности, а озабочен критическим осмыслением ошибок и преступлений прошлого и исправлением дефектов в настоящем. Его суть – активная гражданская позиция, которая обязательно включает элементы критики, ибо критичность – непреходящий атрибут интеллектуальной рефлексии да и вообще любого развития. В отличие от «ура-ура» и «одобрямс» якобы патриотов, патриот настоящий стремится не оправдывать плохое, а его переосмысливать и исправлять. А и в нашей истории, и в современной жизни есть так много реально плохого и порой преступного, что даже самая жестокая и горькая критика более, чем уместна. Вспомним Некрасова: «Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны своей». И Салтыкова-Щедрина – не следует отождествлять понятия «отечество и ваше превосходительство». И еще пара фраз из него, к сожалению, сегодня очень актуальных, ибо на авансцену политиканского обслуживания выдвинулся «легион сорванцов, у которых на языке "государство", а в мыслях пирог с казенной начинкой», и «на патриотизм стали налегать, надо проверить карманы».

К тому же есть и вполне прагматическое предупреждение для короткомыслящих псевдопатриотов. От таких людей, как только минует прямая в них нужда, без колебаний избавляются, поскольку в позитивной деятельности от них особого толку ожидать не приходится. Их как бы походя сбрасывают в отвал. Как писал Бертольд Брехт, «шагают бараны в ряд, бьют барабаны. Кожу для них дают – сами бараны».

В то же время крайняя антитеза политическому цинизму – наивное прекрасодушие – тоже может оказаться разочаровывающе беспомощной. Думается, оптимум тяготеет к некому прагматическому балансу, учитывающему реальные возможности и ограничения. Но это отнюдь не означает какой-либо «золотой середины» между цинизмом и утопизмом. Ценности не должны отбрасываться даже для достижения самых соблазнительных политических целей. Даже если за это приходится платить определенными практическими потерями.

Политический романтизм и идеализм как позитивные факторы

На шкале политической морали цинизм – противоположный полюс по отношению к романтизму. Около десяти лет назад мы в России пережили всплеск *политического романтизма и даже идеализма* со всеми его симпатичными, возвышенными, но практически,

инструментально неэффективными атрибутами. Потом власти целенаправленными и безнравственными в своей основе усилиями затолкали маятник в противоположную сторону – в агрессивный цинизм. Но представляется, что надолго удержать его в такой противоестественной позиции не удастся. Оптимальным было бы приведение его в более устойчивую и политически рациональную, более или менее центральную позицию. Назовем ее *политическим реализмом*, или «*повышающей адаптацией*» в противовес ресентименту «понижающей адаптации». А арендтовской «*банальности зла*» здесь можно противопоставить «*банальность героизма*», по Ф. Зимбардо. Свою последнюю книгу с алармистским подзаголовком «Почему хорошие люди превращаются в злодеев» он закончил оптимистически – разделом о скрытом в каждом человеке потенциале сопротивления злу, об «универсальности обычных героев». По его мнению, «героизм это и есть способность сопротивляться мощным ситуационным силам, которые так легко улавливают в свои сети большинство людей... героизм поддерживает идеалы общества... Банальность героизма означает, что мы все – герои, ждущие своего часа. Рассматривая героизм как эгалитарный, общий признак человеческой природы, а не редкое качество, присущее немногим избранным, мы можем лучше способствовать героическим поступкам... Для этого необходимо напоминать людям, что каждый из нас – герой, ждущий своего часа... каждый способен стать героем в той или иной степени. Иногда мы этого не осознаем. Для кого-то это может быть что-то очень простое... мы все – герои для кого-то» [Зимбардо 2013: 667–668]. И дело отнюдь не сводится к политике и «баррикадам», хотя в определенные моменты это становится главным, определяющим все остальное, моментом. Но все же, как писал Александр Солженицын, «линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями, она проходит через каждое человеческое сердце – и через все человеческие сердца» [Солженицын 1989: 570].

Так что в человеке сочетаются и уживаются, как говорится, – и плохое, и хорошее. Поэтому *надо апеллировать к лучшей его стороне – к чувству собственного достоинства, к самоуважению, к потребностям высших уровней* (по пирамиде А. Маслоу. А не ограничиваться пусть даже самыми интеллектуально изощренными описаниями его низкой стороны и качеств и обусловленных ими поступками. Иначе это, независимо от намерений аналитиков, даже самых честных и благородных, становится некой легитимацией цинизма как некой якобы дурной неизбежности.

И апеллировать есть к чему. Вспомним хотя бы «дядю самых честных правил», который «уважать себя заставил и лучше выдумать не мог». Надо помогать людям начать себя уважать, что, в частности, предполагает и этическое неприятие циников, в том числе циников на политической ниве. Независимо от их ранга. И, что представляется ключевым и обещает реальные позитивные последствия, надо воспитывать не только презрительное к ним отношение, но и соответствующее этому отношению *политическое поведение*. В этом видится, в частности, и моральный долг людей науки, т. е. нас с вами.

Думаю, здесь будет весьма уместно хотя бы кратко рассмотреть историко-философский аспект проблематики цинизма – как политического, так и иного.

Цинизм и кинизм

Прежде всего, о самом понятии. Существует определенная терминологическая путаница, смешивающая эти два слова, отличающиеся в русском языке лишь одной буквой, но описывающие явления, не только во многом различные, но в определенном смысле и противоположные по своему значению. Ведь цинизм, как и многое в жизни человечества, родился из языковых парадоксов. И один из таких парадоксов – этимология слова. Оно произошло от самоназвания древнегреческих киников, людей, для которых главным было не философствование, не игра с понятиями, а «кинический» образ и стиль жизни. И если считающийся теоретическим основоположником кинизма Антисфен был философом, а о его повседневной

жизни мало что известно, то уже Диогена с его широко популярными и крайне провокативными эпатажами вряд ли можно отнести к данной почтенной категории. Как и других его уличных последователей.

С веками кинический взгляд на «правила жизни» вышел далеко за пределы не только Греции, но и античного мира в целом. Явным или неявным образом он вошел в целый ряд как философских течений, так и стилей поведения, по многим своим параметрам очень разных – от древнеримской стои и раннехристианского аскетизма до современности. Его можно обнаружить и в экзистенциалистской философии, и в контркультурах XX–XXI веков в формах хиппстерства, дауншифтинга, акционизма. Ведь «классические» хиппи по типу поведения и идеологии тоже были близки к киникам, даже по стилю жизни и манерам в чем-то походя на Диогена. Мне когда-то довелось наблюдать их и даже немного с ними пообщаться в паре районов «современных Афин» – Сан-Франциско, а также в Вашингтоне, во время протестных маршей вокруг Белого дома. Да и на современный акционизм тоже можно посмотреть в киническом контексте; хотя его порой открыто провокативный, скандальный характер, вплоть до демонстративного отвержения элементарных норм морали и даже гигиены, приближает его к цинизму в негативной коннотации слова. Но в целом соотношение кинизма и цинизма в истории и современности многопланово, довольно сложно и неоднозначно. Совокупность связанных с этим вопросов подробнейшим образом рассмотрел Петер Слодердайт в ставшей научным бестселлером книге «Критика цинического разума» [Слодердайт 2009], противопоставляющий эти два явления как в историческом, так и в смысловом отношении.

Его рассмотрение кинизма и цинизма во все времена и в широчайшем аспекте проявлений претендует на исчерпывающий характер. А в самом общем плане, кинизм и цинизм в трактовке Слодердайка – две полемические формы сознания «верхов» и «низов». Античный циник – анархист, провокатор, диссидент, который либо демонстративно, как Диоген, отвергает принятые в окружающем его обществе нормы и стандарты приличного поведения и стандарты благополучия и житейского комфорта, либо, как Лукиан, подвергает их издевательскому осмеянию в публичных лекциях. Иными словами, киник – человек идейный. Он демонстративно противопоставляет себя общественным нормам и морали, открыто их презирает и готов испытывать за это разного рода лишения и опасности. Так сказать, «пострадать за идею». Циник же, напротив, стремится без особой демонстративности вписаться в общий «строй» и, внешне играя по правилам, на самом деле им презираемым, стремится использовать свое неприятие общественных норм себе во благо.

Поэтому ранние киники были, как почти все ранние протестанты, «штучным товаром», отнюдь не массовым типом. Но потом происходили перемены, о которых в силу периферийности темы ограничусь несколькими словами. По Слодердайку, первый народ киников это – евреи до их изгнания из Палестины, когда в борьбе с оккупировавшим ее Римом, в отчаянных восстаниях против явно превосходивших их в военном отношении римских легионов, они продемонстрировали образ героизма, пусть слабого и обреченного на физическое поражение враждебной силе, свое моральное над ней превосходство. Сходным образом Слодердайт трактует и раннее христианство как великую школу сопротивления насилию, воплощенную в вере. (Тут приходит аналогия из совсем другой эпохи – Вацлав Гавел с его концептом «власти бессильных»). Рим сперва подавлял христиан, но, начиная с Константина, стал «приручать» христианский кинизм, тем самым осуществив преломление кинического импульса с превращением его в цинизм. Таким образом, в политическом отношении *кинизм имманентно противоборствует власти, противостоят цинизму, использующему его в своих корыстных целях*, представляя собой интегрированный в общество антиобщественный тип морали и поведения. В этом состоит их принципиальное различие. Т. е., кинизм – протест, цинизм – лукавое приспособление.

А теперь перейдем к цинизму в подлинном смысле.

Из многочисленных определений цинизма достаточно четкими и научными, как ни странно, оказались два из изданий глубоко советских времен. Ими и воспользуемся. Лишь в немного сокращенном варианте.

Итак, «цинизм – нигилистическое отношение к достоянию общечеловеческой культуры, особенно к морали, идее достоинства человека, иногда – к официальным формам господствующей идеологии, выраженное в форме издевательского глумления. Цинизм в поведении и убеждениях характерен для людей, стремящихся достигнуть своих эгоистических целей любыми средствами. В социальном плане явления цинизма имеют двойкий источник. Во-первых, это "цинизм силы", характерный для практики господствующих... групп, осуществляющих свою власть и своекорыстные цели откровенно аморальными методами.... Во-вторых, это бунтарские настроения и действия (напр., вандализм) социальных слоев, групп и индивидов, испытывающих гнет несправедливости и бесправия, идеологическое и моральное лицемерие эксплуататорского класса, но не видящих выхода... и повергнутых в состояние духовной опустошенности» [БСЭ 1978: 570]. «Цинизм – моральное качество, характеризующее презрительное отношение к культуре общества, к его духовным, и в особенности нравственным ценностям... первоначально это – возврат к "естественному состоянию". Впоследствии цинизмом стали называть слова и деяния, в которых совершается надругательство над тем, что составляет исторические достижения культуры человечества, глумление над нравственными принципами, осмеяние идеалов, попрание человеческого достоинства. Цинизм в поведении и убеждениях характерен для людей, преследующих свои эгоистические интересы всеми возможными средствами, включая и аморальные» [Кон 1957: 343]. Развернутый набор элементов цинизма политического был дан Ю.А. Левадой и Л.Д. Гудковым. К нему мы обратимся чуть ниже.

А здесь еще стоит заметить, что цинизм весьма успешно осваивает чисто технологические стороны прогресса. В современном мире это, прежде всего, интернет, цифровизация, камеры слежения, вообще общая компьютеризация жизни, приемы эффективного менеджмента, дроны и другие военные достижения и, конечно, разнообразные манипуляционные политтехнологии. При этом, разумеется, полностью игнорируются ценностные, гуманитарные стороны научного и иного прогресса. Циники получают все новые инструменты, превращающиеся в их руках в орудия социального зла. Здесь вспоминается обращенный к миру вопрос Ежи Леца: «Если людоед пользуется ножом и вилок, это прогресс?» [Лец 2005].

Принято считать, что первым теоретиком политического цинизма был Никколо Макиавелли, а его краткий трактат «Государь» (на самом деле – Prince, т. е. скорей Герцог) стал первым сводом цинических правил. Их, по-современному говоря, можно назвать правилами эффективного политического менеджмента, политтехнологиями или даже просто инструкцией. Поэтому думается, что Макиавелли не только не заслуживает столь сомнительной пальмы первенства, о чем было рассказано выше, но и нуждается в определенной «реабилитации» своего имени. Ибо он просто систематизировал и литературно изложил весьма распространенные в его времена (и ранее) грязные практики политиканского манипулирования, внутренне с ними отнюдь не солидаризируясь, что с очевидностью вытекает из других его работ, да и из самой его биографии. Иными словами, «Государь» можно рассматривать просто как хорошо и убедительно написанный учебник политической криминологии, не более того. А классикой политического цинизма, думаю, по-прежнему, можно считать упомянутый в начале статьи труд китайского легиста Шан Яна «Книга правителя области Шан».

Но вернемся в наши времена, где киников в слотердайковском смысле можно уподобить протестующим или, как минимум, интеллектуалам, критически рефлексирующим происходящее вокруг, а циников – многим политикам, приспособленцам и прочим вольным исполнителям морально неприемлемого. И здесь перейдем к следующему разделу, в котором рассмотренная дихотомия кинизм-цинизм присутствует как в явном, так и в опосредованном виде.

***Посттоталитарный синдром массового сознания
или почему не сработал «принцип Моисея»***

Пораженность массового сознания россиян посттоталитарным вирусом оказалась куда серьезнее, чем представлялось многим еще недавно. Оказалось, что недостаточно, подобно ветхозаветному Моисею, несколько десятилетий водить народ по «пустыне» транзита, переходного времени. Возможно, наш постсоветский период оказался для этого недостаточно долгим, учитывая увеличение сроков продолжительности жизни? Впрочем, не будем здесь углубляться во внешне привлекательное, но научно сомнительное занятие проецирования исторических аналогий на современность. Причины устойчивости постсоветского комплекса – тема отдельная и очень серьезная.

Думаю, что обсуждать ее надо, прежде всего, в категориях глубокой ценностной деформации и деградации отечественного общественного сознания. Полагаю, работы Гудкова [Гудков 2022], принявшего «эстафету» разработки темы у Ю.А. Левады, содержат для этого хорошую основу. Напомню некоторые основные выделенные Гудковым конструкты: негативная мобилизация, понижающая адаптация, неразвитость «высоких» мотиваций, примитивизация ценностной шкалы и некроз высших ценностей, признание приоритета силы над правом, патерналистские суррогаты идеологии, стерилизация культурных и интеллектуальных элит, наконец – милитаристский национализм как негативная самоидентификация, в крайних проявлениях приобретающая печально знакомые черты нацизма.

Причины поразивших массовое сознание россиян деформаций с трудом поддаются рациональному объяснению с позиций идеалов *homo sapiens*. Думаю, тут следует обращаться к таким психологическим феноменам, как «стокгольмский синдром», «виктимизация», демонстративный гиперконформистский активизм, снижение чувства эмпатии по отношению к назначенным «врагам», романтизм вседозволенности (вспоминаются слова песни из классического мультфильма советских времен – «романтики с большой дороги»), «банальность зла» [Арендт 2013]. И, возможно, полезным может быть анализ с позиций неофрейдизма, в частности, введенные В. Волканом категории «избранной славы» (*chosen glory*) и «избранной травмы» (*chosen trauma*) [См., напр.: Volkan 1988: 82–98] и др. работы того же автора. Ведь «понижающая адаптация» Левады-Гудкова близка к фрейдовскому *Id*, а адаптация повышающая – к его концепту *Superego*.

Наше общество в психологическом отношении вряд ли можно назвать здоровым. Думается, одна из причин этого – комплекс социально-государственной неполноценности и боязни перемен. Он распространен на разных уровнях сознания, в разных социальных группах и возникает на пересечении двух компонентов. С одной стороны, это сознание ущербности, порочности и бесперспективности господствовавшей испокон веку системы общественных отношений, с другой – ощущение своей органической сращенности с ней, из-за чего ее изменение воспринимается как угроза устоявшемуся порядку бытия, заведенному укладу жизни, пусть далеко несовершенному, но единственно привычному и знакомому. Причем перемен боятся и многие из тех, кто, казалось бы, могут от них лишь выиграть. Но ситуация риска и состязательности их пугают. Государственная опека, дававшая гарантии прожиточного минимума, возможность прожить пусть кое-как, но зато без особого напряжения в труде, а в ряде случаев – лишь имитируя полезную деятельность, по-прежнему привлекательна. В целом здесь, видимо, срабатывает стереотип, о котором писал еще Карамзин: «Зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительно менее нового добра, а новому добру как-то и не верится» [Карамзин 1991: 114]. И для цинизма здесь открыто широкое поле.

Начнем с уровня производителей смыслов. В их устах «новый» вариант политического цинизма *демагогически маскируется старыми, традиционными словесными клише*, такими как «национальные интересы», «патриотизм», «исторические корни», «скрепы» и т. п. Одновременно стигматизируются те, кто несогласен с подобной их интерпретацией, через кли-

ше противоположные, негативно уничижительные – «пятая колонна», «национал-предатели», изменники и пр. Показательно, что при этом даже не озаботились придумыванием новых слов, а просто позаимствовали их из известных и давно пахнувших нафталином источников. К тому же немалая часть людей, по своему статусу претендующих на звание интеллектуалов, пренебрегла моральным долгом, связанных с этим словом, и приняла роль, выражаясь словами Ленина, интеллектуальных приказчиков при власти.

В том же «поле» находится и *наглость* как стиль политического поведения и его вербального оправдания. Причем чем она «круче», как и неизбежно сопровождающая ее ложь, тем «лучше» и в краткосрочной перспективе, по видимости, эффективней. Это проявляется и на переговорах с зарубежными политиками, которые тушуются, когда «на голубом глазу» отрицаются очевидные вещи.

И за все это расплачиваться приходится обществу. Например, если при привлечении политической экспертизы *выбор между ее качеством и соответствия ожиданиям заказчика сделан в пользу последнего приоритета*, то уровень экспертных оценок неизбежно понижается с очевидными негативными последствиями для качества принимаемых государственных политических и управленческих решений. И неважно, что порой «новый цинизм» прикрывает свою убогость симулякрами интеллектуализма. Ведь наряду с полублатными клише используются и цитаты из серьезных философов прошлого – из И. Ильина (И.А. Ильин, а точнее, вырванные из него цитаты и их интерпретации, стали сейчас у некоторых наших склоняющихся к нацизму государственников весьма модным инструментом, но это – сюжет отдельный.), например, или Н. Бердяева. Правда, делается это весьма избирательно, порой путано и ошибочно, но этого хватает, чтобы придать некоторым «пещерным» взглядам некий псевдоинтеллектуальный лоск и видимость «научности».

Перейдем теперь на уровень потребителей смыслов. Тут тоже стоит выделить несколько компонентов.

Активистский конформизм как форма демонстративной политической псевдоактивности. Ее ведущая «ценность» (если здесь это слово здесь вообще уместно) – демонстративная солидаризация со словами и действиями высокого начальства. Отвлекаясь, во избежание лишних эмоций, от совсем уж близких примеров, вспомним персонажа из «Двенадцати стульев», на вопрос о его политическом кредо отвечавшего одним словом – «всегда!»

Синдром «маленького человека». Его суть выражается стереотипами «начальству виднее», «мы – люди маленькие» и т. п. Их приземленный как бы рационализм отражает стремление сторониться «опасной» сферы политики, максимально дистанцироваться от власти, словом – «прикинуться несъедобным» (по Гудкову), или «шлангом» (по-народному). А цинизм в данном случае, на наш взгляд, проявляется в форме снятия с себя ответственности за все, происходящее за пределами маленького личного или группового мирка, в своего рода «самоиндульгенции».

Синдром одинокого человека Он, по сути, служит той же цели, но в несколько ином варианте, выражающейся словами «*что я могу один?*». (Тут вспоминается сцена из очень давнего спектакля студенческого театра МГУ «Мы строим наш дом» в постановке М.Розовского, где эта фраза многократно повторялась людьми, которые по одиночке выходили на сцену, рефреном ее повторяя; так сцена все более заполнялась персонажами, все теми же словами жаловавшимися на свою идущую от одиночества беспомощность; и в какой-то момент они начинали маршировать в едином ритме, но при этом скандируя все тот же рефрен – «что я могу один?».) А в плане научном такой синдром «толпы одиноких» (название классической книги Д. Рисмена – *Lonely Crowd*) предполагает отсутствие чувства солидарности между людьми даже в критических обстоятельствах. Наиболее наглядно он проявляется в качественной, на порядки, разнице в количестве людей, выходящих на уличные акции в наших городах и в городах зарубежных стран в качестве реакции на какие-либо экстремальные события, например, убийства по политическим или религиозным мотивам – от убийства «неу-

добных» журналистов до убийств оппозиционных политиков. (Например, осенью 2006 года на марши после убийства Политковской в Англии вышли тысячи, в Риме – десятки тысяч человек; в Москве, где это и произошло, – триста человек. Даже траурный марш после убийства Немцова, все же собравший больше 50 тысяч человек, трудно сравнить с миллионным маршем в Париже после расстрела редакции Шарли Эбдо в начале 2015 года.) Там же, где вопрос напрямую не касается жизни и смерти, картина еще более удручающая: ни фактическое уничтожение Российской академии наук, ни повышение пенсионного возраста, ни разрушение памятников архитектуры и т. п., не вызывают адекватных важности событий массовых протестов как членов профессиональных сообществ, так и «просто» граждан. А с протестами небольших групп энтузиастов и активистов власти научились справляться в амплитуде от посулов и игнорирования до прямых разгонов и репрессий.

Преставление (искреннее или лицемерное) о политике как деле, несовместимом с моралью, имманентно «грязном» и потому якобы недостойном «порядочных людей» занятии. Дескать, главное в политике – властолюбие, стремление к власти любой ценой, умение продать, обмануть и т. п. Увы, следует признать, что подобные мнения и суждения подкреплены обширной практикой многих стран, как исторической, так и современной. Однако, на мой взгляд, здесь происходит лукавая *подмена должного сущим, легитимация аморализма и даже апология подлости*. Сведение политики к «византийству», к макиавеллизму парадоксальным образом само не лишено элементов цинизма, ибо при этом отрицается существование такой несовместимой с цинизмом моральной категории как справедливость. Ведь, как писал Августин блаженный еще в IV веке, «в отсутствие справедливости что есть государства, как не просто большие шайки разбойников, и что есть шайки разбойников, как не государства в миниатюре» [Графский 2005: 185]. А за семь веков до него – Аристотель: «Политика есть публичное пространство, расположенное между людьми и располагающее их по отношению друг к другу. Это... арена, на которую выступают индивиды, предъявляя себя друг другу... исследование человеческого общения в наиболее совершенной его форме, дающей людям полную возможность жить согласно их устремлениям» [Аристотель 1984: 415].

Мне представляется, что именно наличие моральных факторов маркирует границу между *политикой и политиканством*. Ибо чем же тогда отличается политика от того, что на современном жаргоне называется преступным «беспределом»?! Ведь *политика в подлинном смысле слова апеллирует к лучшему в человеке* – к возвышающим его ценностям, к развитию и поощрению человеческого капитала, креативности, в то время как политиканство – к худшему – к злобе, зависти, всевозможным фобиям.

Предложенная классификация не исчерпывающа. И можно многое добавить или иначе сформулировать, например ввести в нее проекцию на других собственных понижающих мотивов, о чем писал Гудков. Но общим знаменателем мне представляется глубокая ценностная деформация или даже ценностная аномия у значительной части нашего народа.

Моральность политики выстрадана человечеством, заплатившим за понимание этого страшную цену десятками миллионов жертв двух мировых войн, полувековой угрозой третьей мировой войны, множеством жертв «малых» войн и искалеченными психологией и ценностной шкалой целых поколений. Не хочу играть роль «гонца, приносящего плохие вести», но тенденция возврата к цинизму в политической практике, представляется крайне опасной.

Ведь мы как страна, как общество «проиграли» XX век и, реанимировав наиболее косные черты национального сознания, в лучшем случае протоптались на месте, потеряв столь важное, а, может быть, и невосполнимое время для позитивного развития. Система обанкротилась, но люди, возвращенные ей, так называемый *homo sovieticus*, не исчезли. У них началась, а во многом и продолжается до сих пор, жестокая морально-психологическая «ломка». Она перешла даже на следующие поколения, не испытывавшие «прелестей» советской жизни. Общество оказалось в яме моральной аномии, безнормативности и потому столь легко клю-

нуло на приманки «стабильности» и «державности». К тому же иллюзорные. Мы уже несколько раз упускали свой шанс на перекрестках нашей истории. С трагическими последствиями. Поэтому с аналитической точки зрения представляется необходимым еще раз напомнить о них.

Перекрёстки российской истории

Я посвятил этой ключевой для полноценного анализа обсуждаемых вопросов проблеме несколько книг, изданных как в России, так и за рубежом [Оболонский 1994; Оболонский 2002; Obolonsky 2003]. Постараюсь максимально конспективно передать ту часть их сути, которая связана с обсуждаемыми в статье вопросами.

Россия была и, похоже, остается ареной борьбы двух противоположных «генотипов» (надеюсь, ясно, что термин условный, метафорический) социально-этического сознания – системоцентризма и персоноцентризма. Максимально кратко их основное различие состоит в противоположности подходов к разрешению моральных конфликтов, возникающих между личностью и социальной общностью. Системоцентристская традиция предполагает заведомый приоритет интересов целого, то есть общества или/и разного уровня социальных или политических групп (и, соответственно, персон, имеющих возможность выступать от их имени), тогда как персоноцентризм исходит из высшей ценности законного интереса отдельного человека, из главенства интересов и прав отдельной личности. По сути, это два полярных видения мира, два параллельных пути развития цивилизации. И хотя логически второй не есть продолжение первого, но исторически системоцентристский путь был первым, и лишь много позднее от него как бы отпочковался персоноцентризм. С моей точки зрения, это две принципиально разные дороги развития общества. Они то расходятся, то сближаются, а иногда между ними возникают как бы мостики и даже *перекрестки*. И общество, оказавшись в этой точке бифуркации, может попытаться перейти на другую колею, что зависит и от его готовности к такому шагу и порой также от ряда ситуативных, случайных факторов.

Не стану затрагивать сейчас сложнейшую многофакторную проблему динамики глобального развития. Ограничусь предположением, что, возможно, кризисы XX в. подвели нас к порогу нового этического типа сознания. Если сохранять осторожный исторический оптимизм, то, думается, в результате этот новый этический тип может сложиться как более или менее сбалансированное, органичное соединение этик системоцентризма и персоноцентризма. Назовем его *органичным, солидаристским или гражданским коллективизмом*. В идеале он представляет собой сочетание лучших черт двух других типов и (по крайней мере теоретически) способен обеспечить гармоничное сочетание интересов личности с интересами общества.

В рамках этой дихотомии трагедия России видится в том, что она так и не смогла изменить трассу своего исторического развития, хотя в истории у нее несколько раз возникали для этого шансы. Первыми такими историческими перекрестками, на которых наше тогдашнее общество оказалось не готовым сменить «колею» и потому не сумело использовать шанс для перехода на персоноцентристский путь развития, я считаю Смутное время, затем годы петровской «перестройки», а по сути, национальной трагедии псевдореформации, подмявшей и повернувшей в прежнем системоцентристском направлении уже вызревавшую к тому времени потребность в подлинных, альтернативных изменениях на уровне архетипа, отчасти – «заговор верховников» 1730 г. и, конечно, «стартовое» десятилетие царствования Екатерины II.

Две следующие попытки, имевшие, в отличие от предыдущих, реальные шансы на успех и потому столь трагичные, пришлось на XIX в. Их политическими кульминациями стали морозный декабрьский день 1825 г. и сырой петербургский первомартовский день 1881 г. К несчастью – обе с трагическим исходом. По-видимому, первые десятилетия

XIX в. – тот момент истории, когда персонцентризм стал представлять в России более или менее заметную социальную величину. Именно тогда он заявил о себе как о реальной альтернативе извечному российскому системоцентристскому «людодержавию». На мой взгляд, принципиальное отличие ситуации, сложившейся в то время, от персонцентристских вспышек двух предыдущих столетий состоит в том, что персонцентризм тогда впервые заявил о себе как о силе, которую не так-то просто бесследно уничтожить (а такая попытка была предпринята в царствование Николая I), силе, обладающей определенной социальной базой (в первом случае – в лице образованной и обретшей чувство социальной ответственности и достоинства лучшей части дворянства, во втором, условно – разночинства) и достаточно развитым самосознанием. В стране появилась, используя выражение Д. Дидро, «новая порода людей», и весь XIX в. прошел под знаком ее укрепления и развития.

Разумеется, речь сейчас лишь об одном из векторов исторического процесса. В реальности все было гораздо сложнее. В частности, параллельно развивалась славянофильская идеология – романтическая, теплая, но консервативная с точки зрения политических прав и вообще подозрительно относившаяся к идее развития. Ее выразители считали концепцию политических прав личности непригодной для российской «ментальности», поскольку в России вместо борьбы политических партий, вместо парламентаризма и конституционных ограничений власти якобы господствует «соборное единение» всего народа перед лицом абсолютной монархии, что русский народ по своей глубинной сути «неполитический» и потому нам-де, в отличие от «загнивающего» Запада, не нужны никакие политические права. (Право, даже забавно то заслуживающие лучшего применения упорство, с которым наши идеологи различных политических мастей, но одной «грунтовой» окраски, уже которое столетие хоронят «загнивающий» Запад!)

Но, так или иначе, к началу XX в. персонцентризм стал в русском обществе настолько значительной силой, что даже без политических подталкиваний начала крениться и покрываться трещинами пирамида извечного российского системоцентризма. Впервые его монополюсильный контроль над общественным сознанием оказался под реальной угрозой, впервые возможность построения жизни на иных началах, нежели системоцентристское «людодержавие», стала более, чем реальной. Еще несколько десятилетий спокойного развития – и уже ничто было бы не в силах помешать переходу России на системоцентристские рельсы. Однако здесь роковую роль сыграло то, что, *в отличие от западных стран, персонцентризм в России развивался не «вширь», а «вглубь», то есть в основном в пределах одного социального слоя – интеллигенции. При этом даже в его рамках он охватывал лишь одну ее часть, в политическом слове обычно именуемую «либеральной интеллигенцией». Другая же часть интеллигентов – «политические радикалы» – по глубинной сути своей оставались теми же системоцентристами, лишь нового образца.* Они мыслили и действовали (к несчастью для общества очень активно и успешно) в рамках все той же прежней антиличностной шкалы ценностей, только вывернутой наизнанку по принципу «кто был ничем – тот станет всем». Такая социальная сверхконцентрация персонцентризма породила уникальное в мировой истории явление – российскую гуманистическую интеллигенцию. Но в политическом плане она привела к национальной трагедии. Узость социального основания персонцентризма предопределила его поражение несмотря на то, что к началу Первой мировой войны на персонцентристскую «колею» постепенно перебралась лучшая часть российского общества. Но времени не хватило. Параллельный фанатичный и изощренный активизм радикалов оказался сильнее. Деструктивные процессы, как правило, развиваются быстрее конструктивных. Динамика этих параллельных процессов развивалась на протяжении жизни двух поколений – от 70-х гг. XIX в. до 20-х гг. XX в. И в этом смысле революция и все последующие перипетии российской истории были не кульминацией, а почти неизбежной развязкой трагедии.

Экстремистски настроенные идеологи уничтожили поросль персонцентризма и сделали ставку на «большой скачок», вознамерившись прямо шагнуть от традиционалистского системоцентризма к некоему «высшему» коллективизму. Такое игнорирование эволюционных закономерностей исторического процесса могло привести только к краху. И он произошел. Вместо идеала «нового человека» был получен чудовищный кентавр с некоторыми формами второго этического генотипа, с претензиями третьего, но с сущностью первого. Российский системоцентризм снова проявил свою феноменальную живучесть и изворотливость. Оказавшись в опасности, он произвел отчаянный радикальный маневр и ценой «переодевания», ценой полной внешней трансформации еще раз уничтожил свою историческую альтернативу и вновь сохранил себя и свое господствующее положение. Для этого ему пришлось пожертвовать многими традиционными символами и атрибутами и даже принести на алтарь исторической борьбы интересы привилегированной части общества. *Пирамида была как бы опрокинута набок, и темная стихия глубинного национального системоцентризма захлестнула и родственную ей системоцентристскую структуру самодержавной власти, и, увы, сконцентрированных лишь в одном блоке, в одном общественном слое носителей персонцентристского генотипа.*

Когда же рассеялся дым Октябрьской революции (введший в заблуждение многих даже весьма проницательных наблюдателей, не говоря уже об участниках событий), оказалось, что системоцентризм, сменив идеологические и политические вывески и кардинальным образом разделившись с персонцентристской оппозицией, еще увереннее и тверже, чем раньше, господствует на продолжавшей расширяться территории Российской империи.

Победила задрапированная в радикальные одежды антиреформаторская линия. В социально-этическом плане *произошел ренессанс системоцентризма*, то есть его возрождение и укрепление на новой, более динамичной и прочной основе. В плане социально-психологическом за счет разрушения некоторых вторичных, производных стереотипов национального сознания и их замены другими, по форме более модернистскими, но по своей глубинной сути работающими на те же базовые ценности, также произошло укрепление традиционного психологического генотипа. В идеологическом плане место государственного православия заняла новая официальная религия, фразеологически совершенно иная, но по способам воздействия на умы «паствы», по формируемому ею социальному типу личности подобная ему и потому успешно эксплуатирующая наиболее косные традиционные стереотипы сознания.

В плане политического режима изменения также коснулись скорее внешних атрибутов и отчасти форм осуществления власти, а также состава обладающих ею групп, чем политических целей и средств их достижения. Особенно очевидна преемственность в области, практически целиком выводимой из социально-этических и социально-психологических факторов, – в области духа политической жизни, который на более конкретном уровне раскрывается через категории политического сознания и политической культуры общества.

Главные «несущие» опоры системоцентристской политической конструкции не только успешно пережили «смутное время» революции, но в некоторых отношениях стали еще крепче. Словом, мы «проиграли» XX в. и, как бы реанимировав наиболее косные черты национального сознания, в лучшем случае протоптались на месте, потеряв столь важное и, может быть, даже невозполнимое время для позитивного развития. Единственным и весьма слабым утешением может служить то, что мы, по завету Петра Чаадаева, показали миру негативный пример ложного пути. Впрочем, особой благодарности за этот негативный урок «как не надо жить» ждать не приходится.

Однако глубинный смысл происшедшего поняли в то время очень немногие. Да что говорить о тех временах, если даже сейчас миф о советском обществе как «обществе нового типа» жив в сознании и его апологетов, и его противников. На политической поверхности явлений – но только на ней – так оно во многом и было. Жизнь и судьба пяти поколений – от

родившихся в 1880-х до увидевших свет в 1960-е – были принесены в жертву молоху советского псевдосоциализма.

Лишь в последнее десятилетие XX в., после занявшего три четверти столетия «штрафного круга» по системоцентристской колее, наше общество смогло вновь выйти на новый перекресток своей судьбы, где в очередной раз решалось, по какому из путей мы пойдём дальше: по накатанному ли авторитарному системоцентристскому, где человеческой личности, при всех политических формах и режимах правления, отводится лишь роль пресловутого «винтика», или же, наконец, перейдем на трассу устойчивого демократического, персонцентристского развития, где жесткие ухабы в начале пути формируют у людей чувства социальной ответственности, независимости, личного достоинства. Можно сказать, что два десятилетия весы нашей исторической судьбы колебались. В «лихие 90-е» они склонялись в сторону либеральной «чаши», в 2000-е – в обратную. Романтический оптимизм первых лет, вполне сосуществовавший с циничным прагматизмом приобретателей «плохо лежавшей» недавней госсобственности и другими, по меньшей мере, неоднозначными событиями, постепенно уступил место иным чувствам, а с конца 1990-х – и оправданному беспокойству в связи с *опасностью опять вернуться в прежнюю колею, хоть и во внешне модернизированном ее варианте*. С началом нового века процесс обратного движения все более набирал силу. Его зловещие приметы все больше выплескивались на поверхность и политической жизни, и философских идеологем. Они видны невооруженным глазом. Одна из связанных с этим мифологем – эксплуатация идеи «особого пути» России.

«Особый путь» – реальность или химера?

Миф «особого пути» – извечная российская консервативная утопия. Он напрямую связан с геополитикой. За последнее десятилетие он занял непомерно большое место как в массовом, так и в «просвещенном» сознании наших соотечественников. Одни (условно назову их «патриотами») его лелеют и пестуют. Другие – условно «западники» – относятся к нему как к несчастью или, по меньшей мере, как к плохому климату, в котором им выпало жить. Но и те и другие трактуют его как нечто фатальное, как нашу непреодолимую судьбу в духе греческих трагедий.

При этом многие из числа более или менее о «патриотов» – не только активные «пользователи» мифа «особости». Часть из них – его редакторы и даже конструкторы. К примеру, так называемая «концепция суверенной демократии» имеет вовсе не народное происхождение, а зародилась в конкретных мозгах и с вполне конкретными целями. То же относится и к идеологеме «ресурсного государства», согласно которой так называемый административный ресурс – не преступное отклонение от выстраданных цивилизацией стандартов, даже не просто норма, а единственный эффективный механизм, способный обеспечить функционирование российского государственного механизма. Нормой объявлены и клиентельные отношения между держателями ресурса и потребителями государственных услуг, а категории «право», «конституция», «демократия» и другие подобные западные «выдумки» якобы имеют весьма ограниченное отношение к российской реальности, да и в принципе нам мало подходят [см., например, Кордонский 2005]. Но все это ведь тоже ввел в оборот и легитимировал как нашу якобы естественную и неизбежную специфику отнюдь не народ, а прикормленные «ученые приказчики», вся «идеология» которых состоит в том, чтобы удачно склеить еще существующие, но не доминирующие патриархальные стереотипы массового сознания, и исходящий «сверху» заказ.

В плане идеологическом, мировоззренческом особую тревогу вызывает, по меньшей мере, двойной, негативный эффект мифа «особости». Во-первых, он, как любая пессимистическая легитимация фатальности, оказывает на людей деморализующее, обезоруживающее воздействие, подавляя в них потенциал инициативности, желания добиваться перемен к луч-

шему и вообще быть хозяином своей жизни. Во-вторых, он служит как бы лукавым самооправданием по модели «ничего нельзя сделать, все предопределено», а на самом деле формой личной пассивной адаптации к неблагоприятным условиям, способом «выживания» в заданных и якобы непреодолимых обстоятельствах. Что из этого на деле более вредно и опасно – предоставляю судить другим, в том числе – нашим высоколобым либералам-западникам, лишь разводящим руками и рассуждающим о «неготовности» нашего народа к модернизации, о «зависимости от предшествующего развития», о «чуждости» для него ценностей свободы, демократии, прав человека и уж во всяком случае неготовности за них бороться.

Некоторые утверждают, что наш *Zonderweg* (особый путь) – действительно печальная неизбежность российской исторической судьбы. Хотя, как известно, само это понятие родилось в Германии в период зарождения национального романтизма, было очень популярно в первой половине XX в., но ныне там полностью вышло из «моды» вместе с осознанием того, куда этот особый путь их завел.

Да и вообще идеологема «особого пути» – вещь не оригинальная. А «особый путь» в одних случаях имеет модернизационный смысл, как в истории США, в других – подчеркнуто традиционалистский, как, например, в Японии до эпохи Мэйдзи. Главное, что их объединяет – претензия на ту или иную форму национальной исключительности. Порой это даже не лишено некоторой курьезности. Так, в странах Латинской Америки одно время пользовались популярностью клише, порой звучащие для нашего уха забавно и узнаваемо: «аргентинская державность», «особая чилийская духовность», «уругвайская всечеловечность», «перуанский народ-богоносец». Разумеется, каждое применительно к своей стране. Пожалуй, стоит оговориться, что возможные аллюзии автор отставляет на усмотрение читателей!

Но, превращаясь в инструмент политиканской эксплуатации и манипуляции, эта «забавность» может привести к катастрофе. Известно, куда завел Германию *Zonderweg*. Трагическая история его выдвижения на политическую авансцену в веймарской Германии и социально-психологические типы личности, ставшие его «мотором», в художественной литературе описаны Л. Фейхтвангером, Т. Манном, Б. Брехтом, а в научной аналитике – Т. Адорно, Э. Фроммом, Х. Арндт. А из свежих книг по теме я бы очень порекомендовал, например, книгу Хаффнера [Хаффнер 2016].

В целом представляется, что идеологема особого пути содержит опасный потенциал для легитимации *социальной философии вражды*, для нового издания социал-дарвинизма.

Впрочем, есть еще один нюанс, придающий ей дополнительную привлекательность и кажущуюся интеллектуальную респектабельность. Это ее внутренняя полемика с концепциями и практикой мультикультурализма. Лично мне думается, что эта связь во многом искусственна и основана на некорректной подмене и неоправданной расширительности понятий, на представляющейся мало убедительной идее равноценности всех культур. Но данная тема требует специального рассмотрения.

Помнится, герой одного лесковского рассказа, безуспешно пытавшийся внедрить в некоем уезде разные полезные средства улучшения жизни, в конце концов, отчаялся со словами: «Ничто хорошее вам не подходит». К счастью, жизнь не подтверждает этого катастрофического умозаключения. А уж плоды западной цивилизации во всех ее материальных воплощениях не просто подходят, а всюю используются даже самыми крайними и громкими антизападниками. Даже в нашей квазиэлите, при всей ее интеллектуальной ограниченности, идеологию «особого пути» поддерживают меньше половины респондентов, а большая часть в той или иной мере разделяет общецивилизационные ценности. Другое дело, что сейчас многие ангажированные связанностью и институтами власти боятся это открыто выразить. К тому же и по данным Левада-Центра, и из работ других исследователей, да и просто невооруженным глазом видно, что идеология «особого пути» овладела отнюдь не самыми светлыми умами страны. Поэтому, на мой взгляд, те, кто приписывают массовому сознанию рос-

сиян некую обреченность следовать химере «особого пути», вольно или невольно подтверждают тезис о нашей национальной неполноценности. Но, на мой взгляд, даже самое критическое видение всех трагедий и несуразностей отечественной истории и современности не дает оснований для подобного заключения.

Это, в частности, довольно убедительно показал Э. Паин, отметив, что «концепция "особой цивилизации", обуславливающая и "особый путь", и "особую демократию" России, – весьма распространенный в мировой практике способ оправдания неизбежности авторитарных режимов», что это есть не что иное, как идеологически ангажированная геополитическая спекуляция в интересах определенных групп, а ее навязывание имеет простую и прозаичную цель – исторически "освятить" сложившийся в 2000-е гг. политический режим с его "вертикалями" и патернализмом. Как и я, он отдает дань уважения здравому смыслу "простых" людей, движущемуся к пониманию того, что источником произвола выступают не "те, понаехавшие, инородцы, а свои начальники, приватизировавшие власть в корыстных и, следовательно, антинациональных интересах» [Паин 2009: 5, 188]. Словом, у России нет какого-либо «цивилизационного запрета» на переход от авторитарного к правовому режиму. К тому же, что представляется критически важным, наряду с подданническим менталитетом, в российском обществе с давних пор существовала и существует альтернативная, персонцентристская контркультура. И это нацеливает нас не назад, не на воспроизводство все тех же архаичных патриархальных моделей взаимодействия народа и властей предрержащих, многожды доказавших свою историческую бесперспективность, а вперед, на подлинную и всестороннюю социальную модернизацию.

Да, до сих пор мы как социум были не слишком удачливы в выборе исторических путей. Как все сложится на этот раз? Не повторится ли опять все тот же дурной цикл «дня сурка»? Не берусь давать оценку вероятности реализации разных возможностей. Но важно в полной мере осознать собственную ответственность за судьбу страны. История показывает, что в критические периоды не только позиция и желания так называемой политической и прочей «элиты», а воля и поведение обычных людей, рядовых граждан страны, поднявшихся с колен в подлинном, а не в казенно-шовинистском смысле и обретших личностное сознание и достоинство, может стать решающим фактором, который определит дальнейшую траекторию развития. Если же мы по-прежнему будем «упиваться» своей «уникальностью» или сокрушаться из-за нее же (в данном случае модус несуществен), то перспективы наши печальны. История вновь предоставила нам возможность повлиять на будущее своей страны и, кто знает, может, в чем-то и на судьбы других стран. Мы уже много раз упускали свой шанс. А ведь нынешний может оказаться и исторически последним.

* * *

Несмотря ни на что, я почему-то все же верю в исторический прогресс. Хотя он не приходит автоматически. За него надо бороться, противостоя тенденции заталкивания страны все в ту же «колею», пусть и во внешне технологически модернизированных формах. Ибо она принципиально неспособна принести людям благополучие и свободу. Но СВОБОДА НЕ БЫВАЕТ БЕСПЛАТНОЙ. Особенно в условиях незавершенной модернизации. За нее, как показывает исторический опыт многих стран, надо быть готовым и нечто отдать, и чем-то рискнуть. Противостояние злу имеет множество форм. Завершу историческим курьезом.

В пражском Граде, под окнами Старого королевского дворца, стоят два небольших обелиска с крестиками на верхушках. Они обозначают место, куда пять веков назад, в 1618г., «приземлились» императорские советники, выброшенные из окон королевской канцелярии возмущенными горожанами. В тот раз, по свидетельству историков, все обошлось бескровно: советников спасли кучи навоза, в которые они шлепнулись, и выбравшись из них, сбежали. Но так кончалось далеко не всегда. Последний раз это было уже в XX веке. В чешском языке есть даже специальное слово для обозначения процедуры физического выкидывания

из окон политиков и их присных – «дефенестрация». Да и для России, как известно, не была чужда практика выбрасывания бояр с парадного крыльца на копыта толпы. Так что ничего специфически «особого» и здесь нет. Впрочем, теперь цивилизацией, к счастью, выработаны и более гуманные формы люстрации носителей властных полномочий.

Одна из базовых внутренних опор геополитического цинизма – всеобщее неуважение властей к людям, к их способности к самостоятельному мышлению. К несчастью, в условиях массивированной агрессивной пропаганды и всевозможных ограничений доступа к альтернативной информации и независимому анализу, это работает, по крайней мере, в краткосрочном плане. Но в то же время в таких условиях неуважение «верхов и низов» неизбежно становится взаимным. С соответствующими последствиями, прекрасно описанными в одном из стихотворений Булата Окуджавы:

Вселенский опыт говорит,
что погибают царства
не оттого, что тяжек быт
или страшны мытарства.
А погибают оттого,
(и тем больней, чем дольше),
что люди царства своего
не уважают больше.

Времена сегодня меняются быстро и непредсказуемо. Вспомним название книги Иммануила Валлерстайна: «Конец знакомого мира». Наступило время неопределенности и непредсказуемости, когда трудно полагаться на помощь даже лучших социологических инструментов. А само время максимально спрессовалось. И будущее не в последнюю очередь зависит от того, сумеем ли мы преодолеть поразившую нас эпидемию, которая в чем-то даже опаснее эпидемий в медицинском смысле слова.

-
- Аксенов Г.П. 2000. *Крылья орла*. – М.: Евразия.
- Арендт Х. 2008. *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме*. М.
- Арендт Х. 2013. *Ответственность и суждение*. – М.: Изд-во Института Гайдара.
- Аристотель 1984. *Политика. Соч. в 4 тт.* – Т.4. – М.: Мысль.
- Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. 2004. Как возможна политическая этика. – *Политическая этика: социокультурный контекст. Ведомости*. – Вып. 24. – Тюмень.
- Большая Советская Энциклопедия в 30 т.* 1978. – Т.28. – М.
- Графский В.Г. 2005. *История политических и правовых учений*. – М.: Проспект-Велби. – 567с.
- Гудков Л.Д. 2022. *Возвратный тоталитаризм*. М.: НЛЮ.
- Древнекитайская философия. 1973. – Т.2. М.: Мысль.
- Зайцев В.Ф. 1996. Наш и их патриотизм. – *Прометей*. – № 1. – М.
- Зимбардо Ф. 2013. *Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев*. – М.
- Карамзин Н.М. 1991. *Записка о древней и новой России*. – М.
- Ключевский В.О. 1958. *Курс русской истории в 8-и тт.* – Т. 3. – М.: Госполитиздат. – 425с.
- Ковалев С. 1999. *Прагматика политического идеализма*. – М.
- Кон И.С. 1975. *Словарь по этике*. – М.
- Краснов М.А. 2006. *Персоналистский режим в России, Опыт институционального анализа*. – М.
- Kropotkin P. 1911. *Mutual Help as a Factor of Evolution*. – L.

- Крук Р. 2004. *Основы христианской этики*. – М.: Триада.
- Кукатас Ч. 2011. *Либеральный архипелаг теория разнообразия и свободы*. М.
- Кюстин де. Астольф. 1996. *Россия в 1839 году*. Т. 1. – М.: РОССПЭН. – 2006. – 479 с.
- Лец С. 2005. *Почти все*. М.: У-Фактория – Екатеринбург.
- Набоков В.В. 1998. *Пошляки и пошлость*. (Лекции по русской литературе). – М.
- Никитенко А.В. 1955. *Дневник в трех томах*. – Т. 1. – М.
- Новгородцев П.И. 1991. *Об общественном идеале*. – М.
- Оболонский А.В. 1992. Драма российской политической истории: система против личности. – М.
- Оболонский А.В. 2002. *Человек и власть*. – М.
- Оболонский А.В. 2011. *Кризис бюрократического государства. Международный опыт и российские реалии*. – М.
- Паин Э. 2009. *Распутица. Политические размышления о предопределенности пути России*. – М.
- Переломов Л.С. 1981. *Конфуцианство и легизм в политической истории Китая*. – М.: Наука.
- Поппер К. 1992. *Открытое общество и его враги*. Т.1. – М.: Международный фонд «Культурная инициатива». – 446 с.
- Салтыков-Щедрин М.Е. 1906. *Признаки времени*. (Полн. собр. соч.). – Т.7. – М.: СПб.
- Словарь по этике (под ред. И.С. Кона)*. 1975. – М.
- Слодердайк П. 2009. *Критика цинического разума*. – Екатеринбург: У-Фактория. – М.: АСТГ.
- Солженицын А.И. 1989. *Архипелаг ГУЛАГ*. – Т.2. – М.
- Толстой Л.Н. *Полн. Собр. Соч. в 90 тт.* – Т. 39. – М. – 1958.
- Урнов М. 2011. Роль культуры в демократическом транзите. – *Общественные науки и современность*. – № 6. – С. 5-17.
- Хафнер С. 2016. *История одного немца. Частный человек против тысячелетнего рейха*. – М.: СПб.
- Шукшин. В. 1985. *«Забуксовал». Рассказы*. – М.
- Obolonsky A. 2003. *The Drama of Russian Political History. System against individuality*. (Ed. By Vincent Ostrom). – Texas. – A&M University Press.
- Skidmore P, Bound K. 2005. *Governance as jazz: meeting the adaptive challenge*. – London.
- Volkan V. 1988. *The Need to Have Enemies and Allies. From Clinical Practice to International Relationships*. – Nortvale, NJ, L.